

РОМАН КОЖУХАРОВ

ДНЕСТР ВПАДАЕТ В ЧЁРНОЕ МОРЕ

РОМАН

5. Облако (Баттл)

Циклопический столп электричества на контрасте чернит простёртую ниц Нистрению. Ослепительный гиперболоид венчает эмблема ЦИРКа: трижды, в равных долях прерванная окружность. Пылая розовым пламенем, сегменты окружности циркулируют по окоёму со скоростью семь верет, или, иначе — один узел в час. Сама эмблема вращается на оси с той же скоростью.

Скорость в вёрстах-узлах — дань “Восьмой миле”, байопику, посвящённому жизни и творчеству бледнолицего рэпера Эминема. И — водной стихии, наполняющей гигантскую искусственную котловину, уже прозванную журналистами Нистрянским морем. Или — в других источниках — Зебуловым озером.

Много званых в канун, в ходе судьбоносного волеизъявления и по его завершении посетило Нистрению, и никак она перед ними не проявилась. Вот и вопрос: стоило ли тянуть за язык Левиафана? Не сподручней ли было оставить его в господарском болоте?

Инженер человеческих душ Припёков Евграф, по пути к вожделенному ЦИРКу, пожелал обозреть бытие за периметром, вернее — окружностью гиперболоида и мега-деревни Валя-Зебулуй, заглянул в нистрянские города и даже, совсем уже краем, — в веси, встречался с аборигенами в аудиториях.

Популярные телеведущие Решка с Орлом колесили по выдущенным под асфальт рыбнищам, бендерским и парадизовским улицам. Сочинитель выцеливал вглубь, монетки катились вовне, но их усилия в равной мере оказались тщетны. Может, ЦИРК стал тому причиной, обнулил на корню, под орех раскатал, подобно асфальтоукладчику, накопленные впечатления. Но в итоге упёрлись в одно: ничего они там не увидели. Вернее — тут.

Получилось, как с понаехавшими на всенистрианские выборы наблюдателями-депутатами. Сагитировали, пронаблюдали и убрались восвосяи, в олимпийские выси садово-бульварных колец всевластия.

Но перед сном, на самой грани яви и небыли, у каждого из них в головах вдрут возникал — *генерировался* — урчавший мотивчик — точно ария

многострадальной Нистрени из некоей одноимённой оперы, вернее же, оперетты, подобно миоритической “Миорице” — мыльной и потому — горько щиплющей очи:

*У Днестра пасутся овцы:
Приднестровцы, приднестро-о-овцы...*

Иттрий Сбоков, либеральный словесник, представлявший, вкупе с ведущими представителями литературы, музыкальной индустрии, кинематографа, российский сегмент интернационально-межконтинентального бомонда важнейших искусств, приглашённый на торжество по случаю своеволеизъявления, вне и внутри во всём осознанный антипод-дискриминатор аудиторупочвокопу Припёкову, невпопад ситуации и контексту призывал пресечь крысолова, и в итоге едва не доигрался, очутившись под дамочловым мечом угрозы быть вызванным Наф-Наф Догой на баттл.

Но словесник и сам порой уподобляется крысолову. Посредством катарсиса предоставляет миру возможность очиститься, подобно тому виноградаря, что чистит лозу от засохших ветвей. Подобно тому дудководу, что своєю игрой спасает город от крыс. Но страшно не воздать должное обладателю чудной дудочки: тогда из города, запертого на засовы, созовёт он самое дорогое — малых сих, светлое будущее. И вот вопрос: кого он спасёт в тот момент? Тех, кто из города выйдет, или тех, кто останется?

Вознесённый отцом на самую маковку гиперболоида, МС Наф-Наф Дога покоряет эфиры, умы и сердца. ЦИРК — это столпотворение, монструозный гигант развлекательной индустрии. Центр избирательно-развлекательных конструкций, иначе — Извечно-Развлекательного Кайфа. Иначе расшифровывается и аббревиатура МС: раньше это были Миротворческие Силы — ангельский чин и заповедь блаженства. Ныне эМСи — это Master of Ceremonies, то есть ведущий мероприятия, точнее — Господин Церемонии. Господарь Всенистрианского Празднества.

Титул Наф-Наф Доги уточнён, а вернее же, утучнён, и отныне возглашается как “МС ЦИРКа и не-ЦИРКа!”. Под “не-ЦИРКом” подразумевается обитаемый мир за окружностью гиперболоида. И — никакой конкретики, потому масштабируй, как хочешь, понимая под “не-ЦИРКом” и мега-деревню Валя-Зебулуй, и Нистрению, и всю обозримую с МКС ойкумену.

Нескончаемый праздник — такова начинка опоясанного кругами воды Зебулова острова наслаждений. И девиз для ЦИРКа выбран соответственный — “Всё дозволено!”. С эмблемой в виде прерванной трижды окружности, трёх нитей, как бы кружащихся в хвосте друг у дружки колесом нескончаемых догонялок. Или просто — ноля?

Ступивший в ЦИРК уже не выйдет оттуда прежде бывшим, отряхнет, аки прах, цепи-вретие ветхого человека, облячится в одежды новые.

“Море любви” растворит тяжкие думы, скорби и горести. Клиент мега-ЦИРКа испытает обнуление грусти. Потребительский груз и загруз будет отправлен на переработку и выработан на-гора в неисчерпанном море любви. Каждый встречный без осадка, как какая-нибудь солёная куколка, претворится в поперечного.

ЦИРК — как какое-нибудь МГИМО, где у пирса моря политики всяк нырнувшему с головой обеспечивают безвозвратное погружение. Но Зебулово мега-строение круче, ибо ещё относительнее и международнее.

ЦИРК вообще ни с чем и ни с кем не сравнить, кроме как, только лишь — со своим Всея Миротворцем — Вседержительным Господарём Наф-Наф Догой, вознесённым на самую маковку всенистрианского торжества ради дарования миру сему новых идей и альбомов. Догоина мысль всеобъемлюща, концептуальна по сути, как сам он определяет — альбомна. Дога мыслит альбомами.

В числе первых в этом смогли убедиться первые offline-слушатели семи композиций нетленного “Ласкового и нежного зверя”, избранные счастливики — участники многотысячной вечеринки по случаю открытия мега-Центра избирательно-развлекательных конструкций “Море любви”. Даже

сверхискушённых, всё апробировавших до состояния отсутствия места для пробы увиденное повергло в шок и трепет.

Этажи бутиков, как гирлянды, расцвели семиярусную громаду неизбежного шумного действия и созерцания, с самозабвенным шопингом, умопомрачительными аква-, аэро-, космозоопарком, с дух захватывающими аттракционами, развивавшими свой динамичный сюжет во всех четырёх стихиях, конференц-залами, и наконец, собственно с “Зебулариумом” и забавами — нескончаемыми по количеству и составу предлагаемых разновидностей играми, на любой вкус и возраст.

Каждый из семи надземных ярусов-небес наделен даром кардинального переконструирования, в соответствии с новонайденным замыслом продолжения весёлого игрища на новом витке и дыхании, причём процесс преображения интерьера, с учётом кардинальной смены эпох и эонов, климатических и часовых поясов, микро- и макрокосма, наконец, вкусов и предпочтений — индивидуальных, групповых, общественно-массовых — занимал время в интервале от минуты до суток — для наиболее сложных заданий, например, по переводу небо-яруса из состояния пляжной вечеринки для тех, кто любит погорячее: в интерьере побережья Маллине с ослепительно золотым, будто просеянным песком на острове Барбадос или одесского Ланжерона — в ледовое, но не менее горячее по динамике и итоговому согреву Арктик-ралли на снегоходах и собачьих упряжках, по скрипучему насту, под красно-синезелёные всполохи северного сияния и бодрое покусывание щёк заполярным морозцем.

Пользователь* по своему усмотрению мог моделировать климат, время, пространство, обращать его в куб, по примеру Хеопса воздвигать пирамиду, сворачивать в цилиндр или свивать в морской узел, раздвигать в циолковскую сферу космического беспредела, привязываться к любой местности на планете и в иных областях человеческого воображения, начиная содержанием себе по вкусу — “стрелялками” в руинах сталинградского тракторного завода или поверженного берлинского рейхстага, или в насквозь простреливаемых и прожариваемых адским июньским солнцем Бендерах, формульными гонками хоть в Сочи, хоть в Монте-Карло, или поездкой на разбитой каруце по сельским погребам в дни винодельческого праздника урожая, с дегустацией виноматериалов, песнями и прочими увеселениями на сельском сеновале, до романтических отношений на фоне Эйфелевой башни, с взаправдашними Моникой Белуччи, круассанами, чарующим ароматом колониального гайянского кофе и запахом жареных каштанов на площади Конкорд. Вместо Моника Белуччи можно было выбрать Маню из нистрянских Белочей, Жюльет Бинош, Брижит Бардо или Скарлетт Йоханссон, с Токио вместо Парижа, или оставить в опциях родной Парадизовск, или ледовитый Норильск, или Анадырь, или Магнитогорск, или Норт-Слоуп, добавив плавающих от развратного зноя Сашу Грей, или Джемму Джеймсон, или Лену Беркову, или всех скопом, для лучшего согреву.

Выбор, в случае необходимости, спутниц, должных с разным уровнем участия сопровождать клиентов, либо группы, либо целые компании, являясь составной частью контента развлекательного трипа. Официально данные сотрудницы ЦИРКа обозначались *проводницами*, являясь отборным, венчающим звеном многотысячного персонала, обеспечивающего безбрежно-безудержный плеск “Моря любви”.

За глаза, с подачи коллектива, элитное подразделение проводниц в прессе стали именовать *девушки Наф-Наф Доги*, или *красны девицы*, проще же —

* В обиходе и номенклатуре документации Центра избирательно-развлекательных конструкций “Море любви” для обозначения посетителей использовалось именно это слово. “Клиент”, “потребитель” и прочие синонимы и эвфемизмы применялись, но значительно реже. Для идеологии ЦИРКа, в свете продвижения его мега-контента, основанного на принципах работы с многомиллионной (скоро счёт пойдёт на девятизначные цифры) аудиторией, принципиальным представлялся учёт объекта своей деятельности именно как “пользователя”, суть которого, как известно, составлял не столько сам человек (клиент, потребитель), сколько устройство, которым он пользовался для вступления в контакт с контентом “Моря любви”, то есть — для соединения с облаком.

девки Доги, поскольку МС ЦИРКа и не-ЦИРКа и устроитель всенистрианского праздника являлся руководителем подразделения согласно штатному расписанию, хотя в действительности всю черновую деятельность подразделения, насчитывавшего четырнадцать сотрудников в возрасте от 18 до 35 лет, чрезвычайно сложную, кропотливую, в части безотказного функционирования многоуровнево-многоходового механизма отдела *проводниц* в действительности осуществляла Клодия Диас-Янковская, зам. эМСи ЦИРКа по развлекательной деятельности, негласная длань Зебула.

Злыдни за пределами ЦИРКа (то есть в пределах не-ЦИРКа) говорили даже, что в отдельных, наиболее деликатных и ответственных случаях руководительница подразделения роль проводницы брала на себя, тем самым являя для своих подопечных неподражаемый образец исполнения профессиональных обязанностей, вдохновляющий пример для делавших первые робкие шаги в этом качественно новом деле девчушек, по нетленному принципу “делай, как я” явленный наставницей, не только назубок разбирающей цирковые правила, но и в совершенстве по ним играющей.

Краеугольным принципом избирательно-развлекательного конструирования являлось одно: сверхпроводящее преобразование идеи из состояния выдумки в состоянии факта, из фикции в режим pop-fiction, из режима online в режим offline, другими словами, реализации сказки в быль, настолько неукоснительное, что дух захватывает.

Процедура воплощения заветной мечты подразделялась на этапы. Вначале пользователь вступал во взаимодействие с “Морем любви” (впрочем, инициатором, всегда и в любом случае, выступал ЦИРК, но данное уточнение несущественно, особенно в свете постулируемой установки ЦИРКа на прерогативу и всеобъемлющую изначальность стремления пользователя).

Посредством удалённого доступа, через облако, с подключением предупредительнейших и дотошнейших сотрудников мега-ЦИРКа, специалистов экстра-класса в области шести чувств, психического цветodelения и тончайших нюансов душевных, сердечных и прочих страстей и переживаний, прорабатывалось в мельчайших подробностях и деталях воплощение воображаемого. Далее, прямо в облаке, с использованием электронной подписи и всех необходимых реквизитов, заключался контракт, назначалась дата посещения гиперболоида, и в назначенный срок на одном из семи небоязусов, вознесённых по-над нистрианскими поймами, осуществлялся сбыв неизбывного кайфа, иначе, попросту говоря, сбывча мечт, от которой захватывало дух.

В этом суть Зебулова “Моря любви”. У толпы, текущей по галереям и эскалаторам центра, волнами накатывающей в магазины, кинотеатры и игровые комнаты, дух захвачен. В остатке лишь плоть. Потакать её прихотям — закон для персонала центра, такого же бессчётного, как количество утоляемых им от рассвета до рассвета желаний.

Сама природа укрощена в угоду капризному настроению безликого и бессчётного потребителя. “Море любви” — воплощение грандиозного проекта, небывалого в регионе, да что там — во всей юго-восточной Европе, в масштабах Нистринии сравнимого разве что с поворотом сибирских рек в Каракумы.

Зебул укротил и направил в услужение Центра извечной развлекаловки, а следовательно — на потребу его посетителям — воды Днестра. Речные потоки наполнили чашу каньона, загодя выскобленного динамитом. И здесь, в образованном озере, река не обрела покоя.

Вода циркулирует вокруг “Моря любви”, замыкаясь сама на себе, образуя подобие вечного двигателя, который приводит в движение смонтированные в основании грандиозной махины ЦИРКа генераторы электричества.

Нескончаемо изливаемый ток ликвидировал разницу между днём и ночью. Для всех и для каждого посетителя мега-центра исподволь или въеве наступал миг озарения — констатации стирания грани между собственным микро- и макрокосмосом — ни с чем не сравнимого ощущения, от которого дух захватывало.

Возведённый в стиле крайнего “хай-тека”, и внутри мега-ЦИРК напичкан хай-теком в той же степени, от пучинных ярусов энергетической генерации

и стрим-ТВ-студий до гели- и квадрокоптерных площадок и эмблемы Троегрия, венчающей маковку на 170-метровой высоте.

Последнее слово IT-инженерии заведомо облегчает персоналу и посетителям гиперболоида взаимный процесс, с одной стороны, -максимально широкого проявления прихотей, а с другой — максимального им потакания.

ЦИРК “Море любви” явил собой последнее слово, воплощённый ответ на каверзное пророчество: “А что, если вместо апокалипсиса нас ожидают бесконечные ряды буфетов?” Первое слово в огне горит, последнее — правду говорит.

Конвейер циркулирует по принципу *Perpetuum Mobile*, перерабатывает чаяния тьмы и тьмы потребителей — до двадцати четырёх тысяч посетителей гиперболоида в сутки.

На всех семи небо-ярусах гранёной сетчатой композитно-стале-стеклобетонной громады — от утопленной в воду ступни до самой макушки со *смотрящей* эмблемой — генерируется контент. Поток выдает на-гора, питая *облако* — безбрежное супервместилище “Моря любви”.

Неизбыточность сияния символично отображает режим тотальной ретрансляции ЦИРКа. Нутро гиперболоида — пол, потолки, стены, мебель, столы, стулья, подлокотники кресел, спинки кровати, люстры, торшеры и бра, барные и регистрационные стойки, пивные и винные краны, салфетницы, крепёжные части тарзанок, сидухи каруселей, доски для сёрфа, даже лестничные перила и ступени эскалаторов — каждый миллиметр пространства мега-Центра являет совокупную часть мириад оптических капсул, именуемых специалистами скотошическими.

Новейшая разработка использования фотопигмента, по составу аналогичного родопсину, наполнителю палочек сетчаток глаз глубоководных рыб, позволила превратить мега-Центр в вывернутый вовнутрь фасеточный мега-глаз. Словно загнали участнику небывалого эксперимента под кожу чудесный состав, и участник эксперимента обрёл дар зреть кожей.

ЦИРК захватывал дух и дотошно, до восторженных судорог фиксировал потакание плоти, вглядываясь в себя неусыпно циклопическим внутренним зрением. Но око не только всё видит, но и всё пожирает, не оставляя ни крошки, до капельки переваривая содержимое гиперболоида в абсолютный онлайн неизбывной ретрансляции.

Ток бессчётных ручьёв, каналы стриминговых сервисов без усталости полонят девайсы и гаджеты многомиллионной аудитории пользователей — *безумцев* в том буквальном смысле, в каком Кощей являлся бессмертным, ибо смерть его хранится вовне — в игле, игла — в яйце, яйцо — в утке, утка — в зайце, заяц — в ларце, ларец — на ветвях дуба, а умы и сердца вышеназванных миллионов, да что там — миллиардов, хранятся в Википедии, та — в облаке, то — в интернете, а тот — в смартфоне, засевшем в карман зеркальным осколком, одним из 250 млн, вынесенных за рамки, или — за скобки, короче, перепрятанных вовне — в “штучку”^{*}.

“Гаджет” — таково было имя первой ядерной “штучки”, взорванной американцами в тexasской пустыне. Испытания в окрестностях Аламогордо окрестили “Тринити”, сославшись на гремучий пафос строки “разбей мне сердце, Тринединь Бог...”, принадлежавшей перу настоятеля лондонского собора святого Петра, того самого, колокольный звон которого: дондонн, — равно ввергал в мальстрем паранойи и бесстрашного морского волка Хемингуэя, и тритоноподобного в глубоководном дайвинге Бродского.

Светло-зелёный отсвет полимерных ячеек, покрывающих громадину ЦИРКа, напоминает вовсе не мглистые отсветы днестровских вод, как в том убеждали гимнопевцы и одописцы в своих дифирамбах в адрес Зебула и его детища. Сверкание чешуи гиперболоида по цветовой гамме ближе всего тринититу — минералу, образовавшемуся в момент “штучного” взрыва в тexasской пустыне из сплава кварца и полевого шпата.

ЦИРК весь — как бы око, смотрящее в мир сквозь фасеточный хрусталик из аламогордового стекла.

^{*} Gadget (англ.) — штучка, безделушка, новое приспособление.

Лазерные лучи с гиперболической высоты простираются по окрестностям, как прожекторы средств ПВО или мега-мечи из культовой франшизы, ворошат закоулки и медвежьи углы сумеречных холмов и равнин, потрошат низко облачность, неоновой азбукой Морзе транслируют речитатив — не потому, что от них, мол, темно, а потому что с ними не надо света.

Имели ли эти лучи те же свойства, что красный луч профессора Персикова, превративший Рокковые яйца в роковые, или смертоносный луч инженера Гарина, превративший изобретателя в диктатора США Гарри? Впрочем, никаким изобретателем Гарин не был, идею гиперболоида он украл.

Так и Зебул, верховный правитель и жрец, жрёт чужие идеи, насыщая ими содержание, захватывающее дух. Не он ли утверждал, что ЦИРК на самом деле — воплощённый символ нистрянского виноделия, что сам замысел его возведения вдохновлён исполненным романтики и героизма походом бесстрашных виноградарей, их эпической схваткой с воплощением зла — речным монстром?

И ведь именно монстр, а вернее — его разлагающийся труп, в омерзении выблеванный рекой, указал Зебулу место возведения ЦИРКа.

И разве не в память и честь речного чудовища названа гордость ЦИРКа, жемчужина комплекса гиперболоидных развлечений — аквариум-парк “Зебуларум Лаур-Балаур”, с феерическими водными аттракционами, сёрфинг-волной, а также составленной в виде гигантского и протяжённейшего лабиринта небывалой коллекцией интерьеров мирового океана с аутентичными им обитателями?

Тать чужих мыслей с горкой наполнил ими опрокинутый гранёный стакан, а его сын, Господарь Всенистриянского Празднества с титулом Миротворца, “МС ЦИРКа и не-ЦИРКа”, с самой кромки гиперболоида в мировой микрочфон возглашает:

— Не пойман — не зверь!

Господарь торжества без остатка покончил с собой, чудесно-сознательно лучами излив, излучив свою душу:

Поэт — лучина нации.

Из башни слоновой кости, сокрытой в нутре,

Художник излучиной переходит в башню управления обществом,

Выворачивает собственную шкуру наружу мездрой.

Поэт всегда подставляется

(и — всегда подставляет),

Преображая посетителей ЦИРКа в поголовных артистов,

Их бытие — в искусство,

пространство без стен,

день без ночи.

“Море любви” разрушило дамбу между внутренним миром человека и внешним.

Отдёрнут железный занавес.

Зритель канул, и в пене его агонии рождается новая, ослепительно-спасительная красота,

Ибо когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше

Молчания.

И непредвиденным молчаньем вдруг наполняется стакан.

* * *

Затрубили зазывные горны из красной пищевой меди. В превосходную степень возведённые непомерными недрами гиперболоида губки-вишенки, спелые яблоки щёк красных девушек Наф-Наф Доги (в обиходе же — проводниц Дога-девок) кинули мировой клич: “В ЦИРК! В ЦИРК! В ЦИРК!”.

Из багряных клубов меди звенящей, слепящих софитов предъёмы и тьмы алчущих очей репортёров и объективов, из междурядья облачённых лишь в алые галстуки-перевязки горнисток неспешно явился в вепреподобной личине эМСи.

Он выступал босиком, а кроссовки болтались у него на груди, на закинутой за шею перевязи шнурков. Меж кроссовок сияла непомерная цацка, верига: на цепи из червонного золота, размерами и толщиной продолговатых колец похожей на якорную, висел, собственно, якорь — подвеска, спаянная из букв наподобие логотипа:

— ?DOGAGOD?

На кончике сцены, высунутой языком в зрительский амфитеатр, стояло покрытое сусальной чешуёй кресло. Наф-Наф Дога в нём угнездился, считай, утоп: закинул ногу на ногу, выставив на всемирное обозрение босые ступни, поставил на подлокотник бокал — большой стеклянный пузырь, наполненный, судя по кристальной прозрачности содержимого, водой. По пути успел по-свойски, как милый друг, перемигнуться с хроникёршей селебрити-сплетен, светской львицей, помахать ещё одной, потом третьей, аккредитованной в качестве глянцевого колумнистки и в этом качестве призывно блиставшей брюликами в первом ряду.

Но этот и прочие блески, и сияние фотовспышек, наполнявшее амфитеатр, и фотонное море софитов вдруг кануло в маковойный сумрак, безропотно уступив световому потоку, изливавшемуся со сцены.

В жаре горения драгоценных чешуек явленный напоказ вид Наф-Наф Доги источал флюиды умиротворения. Обстановку комфорта не портили рыжим пеклом напиравшие из-за спинки драгоценного Дога-кресла лоскуты меднотельных горнисток. Блики, что били от их горнов, блеск очей, окантованных червонными полумасками, застили зал подобием каминного пламени, что в стужу прогревает нутро и озябшего дома, и разморенных долгожданным теплом гостей.

Дога молчал. Держал паузу, как бы давая понять: валяйте, приобщайтесь к дармовому наслаждению, успеите вкусить. Для полноты домашней картины не хватало, пожалуй, лишь стоптанных тапочек на гигантских — не меньше сорок шестого размера — разлапистых ступнях восседавшего.

Но ноги его были босы, а вместо тапок свисали на грудь кроссовки на шнурках, перекинутых через шею.

— Молчание — золото! — наконец произнёс Наф-Наф Дога. Словно тронул драгоценной булавкой пузырь тишины, и тот, набухший томлением, лопнул. Гул облегчения прокатился по амфитеатру, словно зал, стоявший по стойке “смирно”, наконец дождался команды “вольно”.

— Ведь не зря было сказано: первичный автор облачается в молчание. И кому, как не автору-читчику собственных песен надлежит знать про первичность. Тэча читик! Молчи, как рыба, ибо твоё изначальное молчание воплотится по-разному. Не зря было сказано: “В начале было Слово”. Тэча читик! Словом истекает молчание Наф-Наф Доги, точится речь. Выходит *на вы*, отвечая на вопрос не “что?”, но “каков?”. Речитатив — медоречив? Или медноречив речитатив? Тетива гудит козлиной жилой, наливается речитативом. Тик-так, тик-так! Зов зуммера-метронома заставляет восстать ротозея, вручает читчиково предписание, должное мёдом и медью нарушить молчание. Будит послание граду и миру, бочкой и ложкой — дёготь и миро. Великолепнейший лепится страх: праховый, терракотовый прах. Нет спасенья пользователю от вирусной рассылки, система наведения влечёт оперённые стрелы точно в материнскую плату. Тэча читик. Адресату нет схрона от читчиковой почты. Жмени негасимых корабликов будут пущены в акваторию, устремят по волнам свой неумолимый бег. Комарихой влекомый фонарик взлетит из шахты и прочертит свою замысловатую траекторию караморы, чтобы сбить с толку и в итоге без зазрения и зазора уколоть малярийной иглой в самое сердце.

Он умолк и вдруг рассмеялся раскатисто, запрокинув голову на спинку кресла, так, что зал, обомлев, разглядел ощеренный под маской исполнительства собственных текстов частокол золотых зубьев. Только тут большинство из гостей обратили внимание, что врепреобразная маска, проще же — харя, закрывала лишь верхнюю половину лица Наф-Наф Доги, на манер богатырского наносника.

— Простите мне смех... — с доверительно-извинительными нотками в голосе рассеянно произнёс Наф-Наф Дога. — Просто зря утруждаете себя

и всех нас фотографированием и видеосъёмкой, совершенно в ЦИРКе излишними. Система скотопической онлайн-ретрансляции ЦИРКа обеспечивает тотальную четкость трёхмерного изображения абсолютной онлайн-ретрансляции и при ярком свете, и в сумерках, и в полной темноте. Все части целого без остатка запечатлеваются воедино. Остановка мгновения неизбывна, ибо оно прекрасно. Настоящее здесь и сейчас, каждую долю миллисекунды, наполняется вечностью, обретает бессмертие. Разве вы не чувствуете, как праздник пропитывает ваше нутро, подобно тому, как инъекция ботокса впрыскивается под кожу, преобразует захламлённый склад старческих складок в белоснежный атлас новобрачного ложа, старательно застеленного и разглаженного миловидной проводницей? Оставь фото-, видеокамеры в мусоросборнике, всяк в ЦИРК идущий. Ибо ЦИРК сам — камера.

Наф-Наф Дога выдержал паузу и вдруг запросто предложил:

— Порешаем задачку?

Тяжёлый палец, точно указка по грифельной доске, в два касания прошёл по спаянным буквам подвески.

— Doga — God??? Ну, теперь вы...

— DO-GA-GOD... — в три слога выдохнул амфитеатр.

— Эй... Стоп... Стоп... — парировал этот коллективный выдох Наф-Наф Дога. — Давайте ещё раз, с начала прочтём условие. Только правильно. И не заглядывать в конец задачника в поисках подсказки! Вопросы... Они живо трепещут. Как хвостики и плавнички золотых рыбок в моём мини-аквариуме...

С этими словами, будто провозглашая тост, он поднял вверх левую руку с бокалом. Стекло сфера, действительно, походила на маленький аквариум в объёме надетой на шуйцу Наф-Наф Доги перчатки — бойцовой, с торчащими пальцами. На внешней её стороне было выведено, как логотип, тем же шрифтом, что и подвеска на цепи:

“?DOGAGOD?”.

Ропот недоумения прошелестел по залу. Бокал до краев наполнял влагу, настолько кристально-прозрачная, что он казался пустым. Но рыбки, тем более золотые, в нём отсутствовали.

Дога поднёс сферу к маске-личине-харе и отпил в три протяжённых глотка. Тягучие струйки засосались по вогнутым стенкам опорожнённой сферы, вбирая звенящий блеск меди и кумача, золотую зарю на груди и на кресле Наф-Наф Доги. Заиграли в бокале червонные всполохи, будто и вправду золотые рыбки, попархивая сусальными опахальцами, затеяли в нём догонялки.

Дога крякнул, словно выдул стакан самогонки. Бокал с драгоценной чехардой вернулся обратно на подлокотник, десница в перчатке смачно обтёрла укрытые под наносником губы.

— Вот... Видите? Концы перекладины буквы “А” далеко за краями спасительной крышки-домика. К чему этот риск? Почему бы не сидеть себе “чур, я в домике” и не высовываться? Но она спаивает группы букв одесную и ошую от себя. Как правильно: “спаивает” или “паяет”? Питие или пойло? Пойло! Пойло! Ибо А — та же Альфа, а Альфа — тот же Алеф, который суть — бычья голова. Потому и торчат-выширают рога. Или роги? Короче, потому и с припуском. Собирает разобщение, паяя его воедино. Как гриф единит груды тяжких блинов в единую штангу неподъёмно-победного веса. Перекладина потому ниже пояса, что — несущая, золотой серединой покоится на помосте судьбы. Вот он, канун того самого мига, когда тяжелоатлет раз и навсегда решает сверхзадачу: из точки Альфа, из неподъёмной пучины рывком вознести рекордный вес в точку Омега. В зенит всесветной славы.

Он водил по подвеске пальцем, как указкой — по грифельной доске.

— Вот и вот... То ли молнии, то ли руны, заделанные мастаком-ювелиром. Пользователь, что не в теме, то бишь — чайник, поди примет их за решётки хещ-тегов. Да, будь они восклицательными, быть бы им охранительными решётками, подпирающими высказывание с боков. Чтоб не подступиться. А вопрос, он как титло, размыкает замки. Титла, не водружённые венценосно, а скромно притулившиеся с боков. Привратники, что нависают огненными секирами над обращающимися. Откуда ни подойди, мимо них не

пройти. Никакой констатации, никакого безоговорочного... Говори, говори, да не заговаривайся. Говори да приговаривай, оговаривай сверх меры. Сплошной оговор — к высшей мере приговор. Ибо что выше титла? А коли оно Пилатово? Пили того, того — милуй. Секир башка, ибо — знаки вопроса. Поэтому — давайте ещё разок. Только теперь — как должно...

И он произнёс, помогая себе бокалом, зажатым в шуйцу, на манер дирижёрской палочки:

— Doga — God?

— Ну... Все вместе... Тэча читик... Три-четыре...

Хрустальная сфера, по размашистой амплитуде качелей качнувшись влево, прочертила обратно вправо траекторию, исполненную червонной чехардой.

Амфитеатр, будто хор первоклашек на уроке чтения, на “раз-два” выдал два слова, спаяв их воедино многоголосым усилием, на излёте возведя интонацию к искомой вопросительной вершине.

Читчик остался доволен. Десница Наф-Наф Доги вздёрнулась вверх. Сжатый кулак демонстрировал залу и миру надпись, нанесённую на внешнюю сторону перчатки.

— Наф-Наф Дога выходит на поединок босым и в перчатках, — начал он разглагольствовать. — Но кроссовки нужны, чтобы как следует подготовиться к бою. Наф-Наф Дога ответственно заявляет: к бою готов. Ибо вот они...

С этими словами МС зацепил и снял через голову висевшие на груди кроссовки.

— Итак, линия “?DOGAGOD?” устремляет свой путь отсюда к вершине всесветной победы!..

Он болтал кроссовками на шнурках перед залом, как парой схваченных за уши испуганных кроликов.

— Видите, на подошве оттиснуто то же: “?DOGAGOD?”. Каждый шаг владельца новейшей модели, вершины дизайнерской и технологической мысли интернационального коллектива обувщиков — концерна компаний, воплощённого не где-нибудь, а здесь, в непризнанной, но непокорённой Нистрени, на Бендерской обувной фабрике, — будет впечатан в прах неизбывным вопросом, той энергией неустанного следования, которая и призвана обеспечить обретение заветной цели — искомой всесветной вершины, ответа на главный вопрос. Но тут ещё одно, загадка, таящаяся в самой загадке. Вернее, одно и то же, не менее важное, чем тщательно зафиксированное впечатление траектории кремниевго пути из точки А в точку Ω... Возвращение. В этом оттисте — залог обретения истинного спасения. А спасение в том, что, добыв руно червонной овечки, должно вернуться домой, пространством и временем полным, чтоб постелить эту шкуру у домашнего очага. Одержавшему верх в ристалище за руку и сердце всесветной невесты, должно везти её в родительский дом, ибо негоже оставаться примаком-приживалом даже в невестиних всесветных хоробах. И тогда впечатление бойцовской поступи сродни ариадниной нити поможет вернуться с добычей домой. И разве кроссовки не суммируют дробь лачуг и дворцов, ярого голода пацанских улиц и отрывивающих устричной изжогой лужаек для гольфа? Да, они объединяют! А посему “?DOGAGOD?” предписывается к немедленному обуванию!

— Это бренд, чтоб вы знали... — икнув, продолжил читчик. — Мы тут, собственно, собрались, чтобы сбрендить и поразглагольствовать. Бренды Доги — телу (десница читчика показала залу кроссовок), душе (бокал в шуйце вознёсся с подлокотника в воздух). Мало бой провести, надо как следует его отпраздновать. Ибо бой — это высшая точка праздника. Дарю вам спойлер*: самое вкусное пойло — вино Победы (он снова приложился к бокалу). А-э-э-ух!.. Йеху-у!.. Назову-ка его “Миорица” — в честь первой наставницы, наушницы-тренерши первого, кто отважился не на жизнь, а на смерть соревноваться за руку и сердце всесветной царицы.

* Спойлер (от англ. — to spoil — “портить”) — преждевременно раскрытая важная информация, касающаяся замысла, которая разрушает задуманную автором интригу, не даёт её пережить самостоятельно и, следовательно, лишает зрителя некоторой части удовольствия от сюжета, чем портит впечатление от него.

“Читчик пьян... Наф-Наф Дога лыка не вяжет... Что у него там в бокале?..” — пошёл по рядам шепоток. Акустика в амфитеатре ЦИРКа была превосходная.

Наф-Наф Дога прервал разглагольствование, словно прислушиваясь. Зал притих.

— А ведь “соревнование” от “ревновать”. Поревнуем совместно?

Он махнул рукой с бокалом так, словно полководец, какой-нибудь Карл XII, сидя в кресле под Полтавой, двинул на битву войска. Поток проводниц, делясь на струи расплавленной меди, устремился по залу. На гуттаперчевых шеях гроздьями висели кроссовки. Подносы, уставленные бокалами, такими же бургундскими пузырями, как у Наф-Наф Доги, сверкали золотоёрыми бликами. Чаша амфитеатра заискрилась, как стенки бокала Наф-Наф Доги.

— Дегустируйте, вкушайте. Ибо хрустальный мрак бокала таит колдовство и спасение. Вино, изготовленное из рыбок — да не простых, а золотых, — дарит эффект обретения золотого руна. Или — чешуи. Энергия чуда преобразуется в чистый этиловый спирт, хранящий чудодейственные свойства. Владычицы морские огненные у вас на посылках. Вкус и послевкусие незамедлительно обрётённого счастья. Поначалу чуть солоно, как слеза Миорицы, но потом...

Читчик опять пригубил, следя, чтобы пользователи тоже пили.

— Потом хочется сладкой жизни. Новизны. Давайте назовём этот мегапродукт “Долли”. Или “DOLLI”. В честь овечки, не канувшей в океан слёз, но вышедшей из мутирующих пучин, подобно Афродите, из пены рождённой. С паршивой овцы — хоть шерсти клок! И ведь “Долли” — “DOLLI” так рифмуется с “I-DOLL”! Вы ведь ещё не в курсе...

Читчик покачал головой, как бы виноватясь перед публикой; а та веселела; напиток пришёлся пользователям явно по вкусу.

— Мы тут собрались насчёт сбрендить и поразглагольствовать. И вот вам пункт первый: линия спортивной обуви “?DOGAGOD?”, линия обуви для физкультуры и спорта, и для бескультурного отдыха на лоне природы и в уличных подворотнях, на все случаи жизни и схватки со смертью, дабы было в чём победно ступить на упрямую шею безоговорочно капитулировавшей. Одним словом — кроссовки. К общему знаменателю приведут не добро, не совесть и нравственный закон, а — кроссовки! Поступь их одинаково хороша для паркета палатцо из чёрной заморской берёзы, или круче того — из красного карагача, который не боится воды и дружит с нечистой силой, и — для загаженного окурками и плевками асфальта бендерского закоулка.

Знаменатель, как ему и должно, под ватерлинией, ниже пояса, оборачиваясь небывалым брендом, атрибутом иконы стиля, сбывчей мечт и знаменем, то бишь — обувкой.

Слова Наф-Наф Доги сопровождались показом ролика, рекламирующею линию спортивной обуви “?DOGAGOD?”.

Окоём амфитеатра и сцены на все 360 градусов обернулся 3D-экраном, с эффектом присутствия транслируя пиршество ассортимента трубящего мегабренда: от пляжных тапочек-сланцев до зимних кед для полярников — бутсы, борцовки, теннисные тапочки, слипоны. Мужские, женские, детские, для бега — спринта, стайерских дистанций, для марафона, забега в ширину, штангетки, высокие — для баскетбола, для верхолазанья, и — для уличных понтов. В потребительском раже — ноги, ноги, а на них — кроссовки, кроссовки, в движении, которое с разных стартов, со всех концов устремилось к началу тремя линиями. Сойдась воедино, троетире закружилось и вдруг застыло в упительной статике победного финиша, развернувшись в логотип “?DOGAGOD?”.

— Пункт второй: “Миорица”, она же — бренд “DOLLI”, вино столовое номер “ноль” из напитанной спиртом ювелирной плоти! — молвил Наф-Наф Дога, и по его мановению вновь развернулась непомерной конфетной обёрткой видеопрезентация.

Зал словно канул в пучину ювелирного моря. Мириады рыбёшек косяками червонного золота ходили в чистойшей, как слеза ребёнка, воде, завивали

зал в парчовые пелены, укутывая всё плотнее, так, что неизвестно почему стало трудно дышать.

— Золотые рыбки *Carassius auratus* подвергаются в ледовитый анабиоз, — пояснял читчик. — Процессы жизнедеятельности затормаживаются, прекращается доступ к кислороду, под золотой чешуёй копится молочная кислота.

Так вот оно что! На глазах изумлённого зала струящиеся потоки схватывались и застывали кладкой красновато-жёлтых слитков. Стены, слитые воедино, наваливались и вмуровывали, давили громадой. Зал зароптал.

— Чудо, достойное брака в Кане Галилейской: рыбе молоко по чудьему велению превращается в этанол, — не обращая внимание на охи и возгласы, гнул свою линию Дога. Стынь засветилась, словно омытая изнутри и снаружи чистящим средством. Краснота зачервонела, желтизна засияла сусалью, раскрошилась на мириады чешуек-крупниц, икринок-бусинок, забродивших веселяще-шампанскими пузырьками.

— Спиртуозная плоть подвергается дистилляции, дух высвобождается из медного перегонного куба, исполнившись свойством утоленья желаний. Такова в общих чертах технология производства “Миорицы”. Или “Долли”. Или, может, по созвучию со златопёрой жар-птицей: “Жарь-рыба”?! Ибо огонь сей — из... Язык норовил ляпнуть: “польмя”, но нет никакой польньи. Огненная вода истекает из ледовитой тверди. Дистилляцию предваряет процесс подготовки виноматериала. Применяемая тут технология “ice-wine” требует заморозки исходного продукта.

Вихри-сполохи захватили разинувших варежки пользователей, со всех концов тремя линиями понесли к одной точке. Сойдясь воедино, троеतिре закружились и вдруг разом осело на стенках чаши амфитеатра дрожжащими каплями-пузырьками, которые то собирались в надпись “МИОРИЦА”, то стекали до “DOLL”, то сгущались в “Жарь-рыбу”, которая словно изжаривалась до трёх рёберных косточек — метко схваченного тремя росчерками схематического изображения рыбки.

— А теперь пункт третий: ЦИРК в лице (и личине!) его МС — Наф-Наф Дога презентует новую линию проводниц на концептуальной платформе “Intellectual Doll”*, в сокращении — “I-DOLL”, а по-нашему: “ай-долли”. Плод транснационального сотрудничества на почве новаций, нано- и сверттехнологий нистрианского ЦИРКа, российского Сколково, китайского Чжуньюаньцзуна, североамериканских Кремниевой и, главное, Долины Сердечной Услады в Сан-Фернандо, иначе же — Силиконовой. Плантаторы имплантантов превзошли сами себя. Разработчикам из Чатсворта и Каного Парка удалось достичь невозможного: абсолютной степени физического и поведенческого мимесиса. Отныне проводницы ЦИРКа в потакании клиенту обладают способностями сверхпроводимости. Сенсорное считывание пристрастий, морально-нравственного уровня и IQ, автономная подстройка под вкусы и прихоти. Ай-долли не врут, ибо преданы, вне зависимости от того, в какой ипостаси — раболопной исполнительницы воли повелителя, равноправной подруги или стервозной мегеры — по запросу клиента они выступают. Собственно, вот они, плоды, достигшие спелости, червонные статью и чревом, собраны в корзине амфитеатра. Вкушайте и пользуйтесь, оценивайте труд разработчиков в полной мере. Каково это, а? — сверхспособности сверхпроводниц у вас на посылках?

Зритель ждал очередного умопомрачительного видео, но вместо кино устроитель предложил реалиги-действие.

Наф-Наф Дога вскочил с кресла, отшвырнув его в сторону, и оно, тяжеленное, загромыхав по сцене, отлетело, как детсадовский стульчик.

— Медный куб раскалён! Да — дистилляции! Уготованное уксусу, порче и гибели по капле выдавливают раба, преображаясь в нектар чистоты. Градус на выходе настолько высок, что способен парить, теряя способность портиться!

— То, что раньше накрывалось медным тазом, связалось медным бантом! Разве горн, что трубит, впечатанный в губки ЦИРКовой сверхпроводницы,

* Кукла, наделённая интеллектом (англ.).

не тот самый бантик?! Отныне, ухватив за концы пространство и время, ЦИРК вяжет сюжет истории медным речным узлом!

Не горнило горнов, но тугоплавкое горло горнисток “ай-долли”! Ибо не сверхпроводницы уподоблены флейтам и трубам, а наоборот. Такова их плотью оплаченная, полная сладости доля. Тело поющее и есть изначальный амбушюр, музыкальный инструмент как таковой. Ай-долли уподоблена флуэру, костяной дудочке, своим “ай-люли” увязывая в триединство пространство, время и пользователя. Ибо плоть — от места и жизни, а кость — от сроков и вечности. Взимай плату плотью, дабы дистиллят незамутнённой слезинкой был восхищён! И медь вострубит о победе!..

Презентация брендов венчалась концертной феерией. Амфитеатр кружило гигантским кумулятивным веретеном, исполненным горних сияний и восхищения сознания, меркнувшего в воронке “Зебулариума”, откуда встречу, на противоходе стремительно поднималось к поверхности неизбывное празднество.

Наф-Наф Дога начитывал и уже полюбившиеся миллионам, да что там — десяткам миллионов слушателей и пользователей во всем мире хиты, и новые, здесь и сейчас, вкуче с брендами Наф-Наф Доги явленные миру композиции.

В качестве интро слоновьей поступью фанфар прошествовал “Марш Черномора”. Нутряной тревогой будоражила тема собаки Баскервилей маэстро Дашкевича — неизбывная в выступлениях Доги, пронзительно исполняемая на флейтах, валторнах и флуэрах, предмет долгого судебного разбирательства с автором композиции.

Трубила, резонируя в исподних полостях, скрежетом зажатых в тормозные колодки колёс паровоза по рельсам выворачивала нервы и чувства наружу “Реальная Анна” — произведение, созданное специально к релизу линии спортивной обуви “?DOGAGOD?”, спиртосодержащего утешителя желаний “Миорица” и сверхпроводящей digital-модели* “ай-долли”.

Текст читчика был положен на музыку амеробарбадосской певицы Лианны. Вернее же — слиянно возлёг на нее, будто дело происходило не в “Зебулариуме”, а на ложе, мерцающем страстью смугло-нежного тела. Впечатлённые представители и особенно представительницы масс-медиа не замедлили чутко отреагировать на один раз увиденный, во всеулышание переименовав использованный в “Реальной Анне” мотив одного из известнейших хитов топ- и поп-исполнительницы: “Pop de replay” — в “Porn...” и дальше по тексту.

Читчик искусно дирижировал навалом звуковых валов. Если и был он пьян, то на уровне вещания и исполнения это не отразилось ни капельки, красноречиво продемонстрировав уровень исполнительского мастерства и профессионализма. Как говорится, призвание не пропьёшь.

Наф-Наф Дога умело контролировал хариусов своего опьянения, направлял их в русло творческого нереста и спиртуозной харизмы. Он вошёл в раж и был в ударе. В рожу мира сего летел окутанный медью звучащей бесстрашный ключ читчика. Непомерное дерзновение выказывалось одним уже тем, что мир сей был стар, от времени оно, и молодчик посмел возвысить глас (и поднять руку!) на старого, выказывая тем самым явное непочтение к ветхим его годам.

Впрочем, миру сему, старому, но не немощному, лукаво неуязвимому в хитроумной своей безликости, не привыкать юлить, заплетая восьмёрки и кольца Мёбиуса, уходя от прямой честной схватки, изматывая противника, доводя храбреца до той стадии, когда, подобно всеильному Святогору, сам себя добрый молодец изнурит, сожрёт, обглодает избытком своей глуповатой удали. Мир, как дряхлый, но упертый змей, изгалялся под пение Доги, как под дудку факира, будто и вправду был загнипотизирован его оголтело жгущим глаголом.

* Digital — использование цифровых технологий как основы приёмов и методов при продвижении и сбыте товаров и услуг для привлечения потенциальных пользователей и удержания их в качестве потребителей.

Глагол Наф-Наф Доги изгалялся и жёг, возглашал, что, прах отряхнув, горнилом очищен, что сивуха выведена за пределы ЦИРКа, “в не-ЦИРК!”, и тот обречён втягивать чахлой дыхалкой прах, смог, вздор и чепуху. *Гиль*, одним словом! Таков не-ЦИРКа удел: выковыривать грязь из ноздрей.

И тут Наф-Наф Дога вдруг возвестил о запуске приложения всеобъемлющей помощи страждущим.

DOGA-DOPOMOGA

Все-то думали, что презентация кончилась и начался праздник. А тут вдруг это приложение — словно обух на расслабленные мозги! Наф-Наф Дога предьявил его, как заветный козырь, что скрывал до поры, с нечеловеческим долготерпением оттягивая миг лишь ему одному известной кульминации.

— ДОГА-ДОПОМОГА спасает всех и каждого!!

И — “спасёт!” — без обиняков заверял читчик. Любые вопросы, печали и чаяния будут утолнены и, как следствие, — удалены в режиме времени столь же реального, насколько реальна Анна в новом хите Наф-Наф Доги.

Залогом завета служит тот факт, что приложение “Дога-Допомога” поддерживают все версии Android, равно как и мобильные операторы контентов стран четырёх (плюс один) континентов. Тотальная совместимость обуславливает абсолют общего знаменателя. Максимальную функциональную эффективность обеспечивает тотальная соотнесённость приложения “Дога-Допомога” с разворачиваемой сетью “ай-долли”. Возможно даже говорить о степени органической встроенности, которая размывает и практически исключает наличие интерфейса, обычно возникающего в подобной киберприменительной практике.

В приложении “Дога-Допомога” не будет тех, кто взывал о помощи и остался без ответа. Кто был позвонившим, станет дозволившимся. И станут обратившиеся обращёнными! Глас вопиющего будет услышан. Но этого мало. Сверх того “Дога-Допомога” гарантирует: на каждый вопрос — исчерпывающий ответ. Сверхпроводницы “ай-долли” измерят и взвесят проблему каждого позвонившего, воздадут в должной и необходимой мере, оказав всемерную поддержку, включая её психологическую и материальную составляющую.

Наконец, соль завета: приложение предполагает благо от первого лица — лично Договору допомогу. Как такое возможно? Осилит ли читчик, такой занятой торец-исполнитель и МС-распорядитель? Возможно! Осилит, ибо МС ЦИРКа и не-ЦИРКа всеобъемлющ в стремлении создавать для всех и для каждого. А создание подразумевает со-творчество, сопричастное бытие в периметре ЦИРКа и за гранью его увенчанных троетирием пределов.

Итак, отныне в каждом планшете, смартфоне и мало-мальски задрипанном гаджете дубликатом заветного SOSa — канал прямой связи, неразрывной, не в пример службе 911 эффективной и молниеносной, — спасительное приложение:

DOGA-DOPOMOGA.

Царственным рыком пронизывал клич Наф-Наф Доги бескрайние информационные просторы, и те немели от благоговейного ужаса, сотряслись в ледовитом ознобе от трепетного предвкушения грядущего пиршественного зрелища, словно нестройные ряды супостата пред богатырским кличем ясноликого витязя, что борзо гарцует пред лицом несметного чудища поганого, зазывая на бой басурманского удальца.

Лик Наф-Наф Доги в тот миг, когда он бросал перчатку вызова на баттл, окутывала непроглядная завеса в виде капюшона и рьяльной маски. Но не являл ли капюшон его толстовки в судьбоносный момент всесветного трубного клича подобие богатырского шлема и бармицы — чешуйчатой сетки, прикрывающей шею от стрел супостата? Не являлась ли маска поэта-читчика подобием воина наносника или же, говоря по-старинному — *личины*, а если ещё проще, по-простонародному — *хари*?

Саднила в этом рыке готового к битве Доги нотка беспомощности, едва уловимая, но тем не менее ничем её было не свести. Ибо читчик вызывал на бой весь мир, а следовательно, клич его был отправлен без адреса.

Поди найди дурачка, который вознамерится в здравом рассудке и ясной памяти подставиться под поезд. Другое дело, найти беспамятного безумца.

Кто ищет, всегда найдёт. “Эй, богатырь, ты кто? — Никто! — А звать тебя как? — Никак!”

6. Роса

— Слова идут с бумаги и через глаза попадают в мою голову, а потом мои губы передают их тебе. Вот откуда они идут.

— Как охотник глядит на следы на снегу и говорит, что тут было то, а тут — это, так и ты глядишь на бумагу и говоришь, что здесь то, а там — это, и что всё это сделал старый Имбер?

Лига стариков

В Христофоровке пропала девочка. Симона Караиванченко вышла из дома в 08.30 и направилась на утреннюю воскресную службу в расположенный поблизости, в урочище Калагур, монастырь, известный соседством своим с древними скальными пещерами. Служба закончилась в девять утра. Свидетели видели, как несовершеннолетняя ушла с территории храма в неизвестном направлении, и до настоящего времени её местонахождение неизвестно.

— Ничего страшного: нагуляется — вернётся... — набрав воздуха, веско произнесла тётя Зоя и только после выдохнула. — Не зря вон и про пещеры сказано. Может, зашла и заблудилась.

— Гляди: и портрет...

— Лерка, дай же ж мени подивитися... — нетерпеливо запрочитала баба Аня.

— Да что тебе “дай”, с твоими диоптриями... — съязвила тётя Зоя, донельзя довольная, что первая высказалась по поводу новости, принесённой на хвосте Леркой Ветчаниновой.

— А у самой чи не диоптрии? Вона яки два аквариума...

— Может, и аквариум, да только со знаком плюс. А у тебя “минус”. Всё равно ничего не разберёшь...

— Да не рвите, успеете все посмотреть... — призвала хозяйка газеты. — Говорю же, не моя газета. В совете дадена. Митрич с утра как раз был, разрешил позаимствовать, но с возвратом. Так и говорит: “Лерочка, с возвратом!” — а потом добавляет: “Или с возвратом?” Шутник!.. Так что вернуть надо в целости. Репетиция нынче в 15.00. И вы приходите.

— Что за репетиция такая? — спросила тётя Зоя, передавая газету бабе Ане.

— Как что? “Нистряночка” наша, в полном составе. И Антон Валерьянович, и весь *кол-лек-тив!*..

Последнее слово Лерка произнесла вразрядку, ударяя на каждый слог. Ветчанинова была добычица новостей и активистка. Вообще-то она была швея и всю жизнь проработала на швейной фабрике имени 40 лет ВЛКСМ. Родную фабрику, в послесоветские годы переодетую в “Одему”, Лерка именвала строго по-старому, как форму воздаяния безмерного пиетета по отношению к эпохе легендарного директора фабрики коммунистического труда Соловьёвой. Зарю своей биографии, собственно и осветившую горнилом общественной деятельности, точно прожектором, всю следом прочерченную траекторию Леркиной судьбы, та характеризовала коротко: “Жили при коммунизме”.

В послужном списке Ветчанинова имела самое деятельное участие в исторических акциях женского забасткома, как то: сидение на бендерских рельсах в сентябре 1991 года, готовка борща в окопах гвардейцев на Кошницком направлении в апреле 1992 года, исполнение обязанностей санинструктора в Бендерах в последней декаде июня того же 1992-го и даже непосредственное участие в “живом щите”, выставленном из числа бесстрашных нистрянских валькирий на Парадизовском аэродроме, дабы заблокировать взлётно-посадочную полосу и не дать приземлиться транспортному борту с вновь назначенным командующим и тем самым не дать стать на крыло командарму Лебедю.

После, когда, уже отстояв мир на Днестре, женский забастком начал делиться, а её соратницы — ссориться, в разборках и дрызгах активного участия не принимала (хотя руку на пульсе держала) в силу того, что ушла с головой в жизнь личную, встретив в кровавом 92-м Сашка Ветчанинова.

Причём встретились они дважды: сначала под Кошницей, на гвардейских позициях, где Лерка занималась стряпнёй и на Сашка даже не обратила внимание. Гвардейцев была целая рота, а за ней ухаживал тогда ротный Саблюк, и она ему отвечала взаимностью. Через две недели произвели ротацию, и гвардейцев сменили бойцы ТСО, а для них варить борщ Лерке стало неинтересно, стала стряпню недосаливать, чем вызвала нарекания со стороны личного состава и в особенности командиры подразделения ТСОшников, и в итоге, ничуть не расстроившись, вернулась обратно в Парадизовск, активнейшим образом включившись в акции забасткома по пикетированию российской инженерно-сапёрной части в Парканах с целью добиться предоставления оружия и боеприпасов для защитников Нистренин, сидевших на тот момент по постам и окопам с арматурами и монтировками и одним АК-47 с одним рожком на пятерых.

Через неполных два месяца они встретились снова в прожаренных зноём и смерти Бендерах. Сашка, контуженного, с залитой кровью штаниной, принесил в плащ-палатке, оставил на полу вместе с другими, стонущими, ворочавшимися в бреду, застывшими в неподвижности навсегда, и он всё просил: “Пить, сестрёнка... пить!” — и жадно сушил в два глотка кружку за кружкой, и кажется, не мог напиться, а когда, наконец, перестал, сказал вдруг: “Лера, будьте моей женой”.

Он её сразу узнал. Мало того, оказалось, что с Кошницы он был в неё влюблён. От Сашка Лерка узнала, что Саблюк, их ротный, погиб от вражеской снайперской пули на следующий же день, как они вошли в затянутый запахом гари город.

С этой встречи Лерка и Сашок уже не расставались до самой смерти Сашка от большой печени. Сашок был разведённый, от первой жены был сын Валерка. От Сашка взяла фамилию, сама до двадцати пяти лет исправно проходила под своей девичьей — Валерия Жосан.

С пасынком она ладила, звала его Тёзка, а тот её — мамка Лерка. Впрочем, все её звали Лерка, уже и когда добралась она до пенсии, за год до того схоронив своего бедового гвардейца. Иногда только Сашок обращался к жене без сантиментов, привычной игривости и уменьшительной ласки. Случалось это в те частые времена помрачения, когда он запоями лечил неизбывную головную боль и ночные кошмары, и в ходе совместного с супружницей и однополчанами распития спиртных напитков принимался вспоминать светлой памяти ротного Саблюка, а после скандалить и драться, в том числе и в отношении Лерки. Вот тогда-то, выпуская, словно выстрел из одноразового гранатомета “мухи”, свой тяжёлый кулак по жене, он её выкликал сурово и строго: “Валера!”

Союз нистрянских защитников, надо сказать им спасибо, помог с организацией похорон, равно как и женский забастком. К тому времени, надо сказать, и те, и другие превратились в авторитетные и многочисленные общественные организации, пользующиеся у народа и во властных структурах заслуженным уважением и льготами.

Эта-та многолюдность более всего сбивала Лерку с толку. Сашок её вот ушёл, незадолго перед тем умер безрукий Степчук, следом вот Миша Цуркан, Мариночка Урсу, с которой они вместе сидели на рельсах.

Участники боевых действий, реальных событий уходили один за другим, а количество членов героических организаций только увеличивалось. Валерка Саньч, выучившись в строительном техникуме, подался в Петербург, работает там в строительной компании по возведению монолитных многоквартирных жилищных корпусов, уже вот паспорт внутренний сделал, звонит раз в полгода “мамке Лерке”.

Вновь потянуло Лерку Ветчанинову “в народ”, в сутолоку общественной жизни. Выпростался вдруг из наслоений, словно никуда и не девался, забивший ключом на заре её швейной юности комсомольский задор.

Верная славному прошлому, она и нынче не унывала, впрочем, с некоторыми коррективами: упор делала на искусство, силы и предпочтения отдавая участию в заслуженном коллективе Парадизовского отделения Всенистриянского Совета ветеранов вооружённых сил (ПО ВС ВВС) — в образцовом хоре “Нистрияночка” под управлением отличника нистриянской культуры Антона Валерьяновича Пуццепрежного.

А ведь зная, что петь она горазда, зазывали её и в другие лакомые места: и в Союз нистриянских защитников, и в родной забастком, вернее же, в оба нынешних забасткома, отпочковавшиеся ещё в девяностые от прежде единого. И даже в безголосую эту “Сударушку”, где верховодит эта размалёванная, как буфетчица, ни слуха, ни голоса, гримза Ведина.

Лерка оглядела себя спереди, оправила платье на груди и коленях и с жаром произнесла:

— В костюмах будем. Выход отрабатывать. Отборочный же тур вот-вот, на носу!..

С этими словами она стала нещадно чесать свой вдавленный нос. Нос ей сломал Сашок в одной из перебранок, ещё когда они только начали жить вместе, и теперь всегда нещадно зудел, когда она вдруг начинала волноваться.

— А и, справди, бабоньки, красуна... Ох, спаси, Господи!.. — пристально посмотрев в газету, выдохнула и перекрестилась баба Аня.

— Ага, именно, что — прости Господи... — веско сказала тётя Зоя. — Нашастаютея, а потом являютея: здрастье-пожалета, я, мама, пришла, да не сама, а ещё в подоле принесла...

— Зойка, молчи уж... Пишут же вот: “Несовершеннолетняя отличница... Ранее девочка из дома не уходила”, — произнесла Фроловна.

Настала, наконец, её очередь рассматривать фото в газете.

— Ну да, *девочка*... Раньше не уходила, а теперь, стало быть, пришла пора.

— Зря ты, Зоя... Сказано же: “Приметы: на вид 13-14 лет. Была одета: серая болоньевая куртка длиной до колен с капюшоном (как на фото), серая шапка, брюки тёмного цвета. Была обута: демисезонные сапоги 39 размера чёрного цвета с невысоким каблуком”. Вишь, черным по белому: 13-14 лет. Стало быть, ребёнок.

— Ага, *ребёнок*... А тут, вишь, и *куртка с капюшоном*, и *сапоги с каблуком*... Всё у них, вишь, имеется, от того и бесятся...

— Зоя, что ж, дитю раздетым ходить?

— Да мне, вишь, сапоги первые только на двадцать лет купили. Как зарплату на Ткаченко получила. Папа с мамой, Царствие им Небесное, добавили. Как сейчас помню, югославские. Я в их лет шесть ходила. Ох, ноженьки мои... Вот были ноженьки... Весь завод Ткаченко заглядывался на эти ноженьки... А тут: *тринадцать лет*... Да у Алёнки бабы Аниной 38-й размер, а ейная Настька — внучка Анина старшая — уже школу заканчивает.

— Вот за Настьку и думаю... — закачала головой баба Аня. — Нога-то у неё бильше мамкиной, а думками: дитё дитём.

— Это она в отца, — подхватила Ветчанинова. — У Сашки, зятя твоего, — чисто ласты, а не ступни. Я ить, когда провожали его на заработки, говорю ему: “Гляди, Саня, будь осторожен там в Норильске, там снега много, осторожно ходи, в сугроб не свались”. А зятёк твой ножищу свою из-под стола выставил и говорит: “Не бойсь, Лерка, не свалюсь. Мне с моей лапой и лыжи не нужны”. Сашка твой — что мой Сашок в молодости. И звать так же, и такой же весёлый. Только у моего нога малость поменьше была, не такая ласта. Эх, кабы Сашок мой не пил...

— А зять мой и не пьёт, — с гордостью ответила баба Аня.

— Ну да, а на провожанке забыла, как под твою селёдку горилка шла?

— Так то за столом... А в запое ни разу Саша не бывал... — сказав это, баба Аня снова перекрестилась и тут же добавила:

— Что селёдка... Алёнка вон всего сколько наготовила! Как Саша уехал, а мы три дня ещё всё ели...

— А то мы не помним... — согласилась Лерка под одобрительные кивки тётя Зои и Фроловны.

— Не забывает хоть?.. — спросила Ветчанинова. — Мне вот тёзка мой звонит. Правда, раз в полгода. А мне что: жив-здоров, и слава Богу. Строят и строят. Шас, говорит, небоскрёб ведут... А ты, баба Аня, так и не сказала, как селёдку солила. Вкусная на провожании селёдка у тебя была...

— Так то ж не я солила, а Алёнка солила... Каждый месяц перевод ей шлёт... — с гордостью ответила баба Аня. — Вот Настька закончит, дай Бог, поступать будет, в Москву или ещё куда в Россию. Всё ж папка там. Алёнку хочет забрать с малым.

Тут она вдруг посерьёзнела, выдохнула тяжело и перекрестилась.

— Дай-то Бог... Чтоб получилось у них.

— Как же уедут, а тебя оставят? — спросила тётя Зоя.

Вздыхнув, баба Аня отмахнулась газетой и тыльной стороной ладони отёрла пучки мелких-мелких морщин за дужками тяжёлых очков.

— Тяжело им порознь. Я ж вижу, как они в интернате кажный Божий день в воскресенье друг в дружку глядятся. И Алёнка тут с двумя, ещё Настька в выпускном классе...

— В каком ещё интернате?

— Ну, в этом, в скайпе. Спать-то надо. Я спрашиваю: чего не идёте во двор, погода какая. А Алёнка с Настькой хором: скайп, у нас сегодня скайп. Торчат в экран, “с папкой разговаривают”. Толик, тот молодец, по-быстрому: привет-пока и на улицу. А эти сидят — не отодрать. И Настька, вишь, готова хоть весь день сидеть. Скучает сильно за отцом. Если тот в смену на заводе своём попадает на воскресенье, так та черней тучи ходит.

— То-то и оно... — веско подхватила тётя Зоя. — Все они так: поперву звонят, деньги шлют...

— Знаешь, как он там вкалывает? У него там испытательный срок ещё, началству надо себя показать... — не согласилась баба Аня.

— Ага, так-то оно так, — поддержала тётя Зоину линию Ветчанинова. — А потом глядишь — он уже себе кралю нашёл какую-нибудь, и ладно из местных, а то своя же, нистрянская, с какой-нибудь Суклеи или Ближнего Хутора, за лучшей жизнью наострилась.

— Мелешь ты, Лерка... — насупилась баба Аня.

— Да что я мелю? Вон у Митрича младший подался за длинным рублём, на маршрутке работал, потом в охране в Подмосковье, в супермаркете. Так и сошёлся там с одной: на кассе сидела. А сама из Суклеи! Вон как бывает. Ну и что? А у него тут жена и дитё малое. Тоже слал сначала деньги, а после — всё. И главное Галка его — баба собой видная и хозяйственная. А ребёнка кормить надо. Хотя у Митрича и пенсия военная, а на шею у свёкра сидеть не пожелала. Как малой в первый класс пошёл, в башню подалась, в ЦИРКе работает, должность имеет в *системе снабжения*. Домой только на выходные является, работы, говорит, невпроворот. Зато малому ни в чём отказа нет. Телефон, вишь, купила ему за пять тыщ. По виду — как ломтик хлеба, а в нём и телевизор, и игры, и с мамкой можно говорить. И отец на связь выходит. Только, Митрич говорит, так, чтобы Галка не знала. Сильно она на мужа своего зло держит.

— Да уж, *отказа*... — вздохнула Фроловна. — Нынче, вишь, как: в башню, как в баню.

— А в бане нечто плохо, а, Фроловна?

— Хорошо, чтобы грязь соскоблить. А так чего хорошего? Батька за тыщу километров, Бог знает с кем, матка раз в неделю, как в детдом, приезжает. А с дитём через корочку хлеба говорят. А у дитя кто спросит, ему какво?

— Дед за внуком присматривает.

— Это который Митрич? Из совета ветеранов?

— Ну да... Он, считай, как мой Сашок, только отставной из вооружённых сил. Они и на рыбалку вместе ходили. А нынче и не ходит. У него, говорит, вся страсть в общественную работу перешла.

— То-то и оно, — показала головой Фроловна. — Он теперича из совета ветеранов своего не вылазит. Как ни приду, постоянно там торчит. Позавчерась спевка хора была в клубе, а эти, совет, собрались на заднем ряду и — бу-бу-бу, бу-бу-бу. Антон Валерьяныч даже замечание делал им: мол,

шумно, мешает репетировать. Так чуть до драки не дошло. Оскорбили его, и Митрич твой хорош... Валерьянкой его обозвал...

— Пусть твой Пущепрежний жертву из себя не строит. Он хоть и отличный культуры, и на баяне играет, а вот, чтоб отстоять коллектив, в обиду не дать, тут у него слабина на слабине. И Тетырчев туда же. И совет не *свой*, а *наш*! И хор — соответственно. Да нас бы уже “Сударушка” с её Ведьминой клятвой уели давно, кабы не Митрич. Об нём же радеют, об хоре вашем. У них ить серьёзное дело... — с жаром заступилась Ветчанинова.

Больше всего Лерку взбудоражило то, что баба Аня приписала к ней Митрича.

— Охранители эти, будь неладны, в конкурсе заявку задним числом подстроили и свой хор поперёд нашего вписали, — терпеливо, но настойчиво разъясняла она, нещадно шкрябая ногтями по носу. Она начала делать маникюр с тех пор, как график репетиций перешёл в ежедневный режим. — Таперича их шансы на смотре не в пример нашего выросли. Вот совет и решал, как справедливость восстановить, а обидчиков проучить, чтоб неповадно было.

— Это какие охранители?

— Ну, эти, из Совета ветеранов правоохранительных органов.

— Силу они что-то взяли чересчур наглую... — согласилась баба Аня. — Ведут себя, как хозяева.

— Вот и Митрич, и другие в совете так говорят. Зажимают всех прочих. Это всё от того, что верховный сам из правоохранителей и, мол, своим благоволит, так им теперь все печеньки, кисельные берега да молочные реки — и наборы продуктовые ко всем праздникам, и льготы персональные, и жюри подсуживает где ни попадя. Можно ли мириться? Наши говорят — нельзя... А нынче же на носу отборочный тур.

— Какой отборочный тур?

— Вечно ты, Фроловна, будто только на свет народилась. Я ж кому разъясняла только что?

— Да ты не митингуй... — осадила её Фроловна. — Ещё раз разъясни. Только без горлопанства.

— Какой тур? Такой — отборочный... — сбавив тон, ответила Лерка. — Для хора нашего. “Битва...” же “...хоров” идёт, причем не на жизнь, а на смерть. И Митрич так говорит: “Не на жизнь, а на смерть!” И Валерьяныч ему кивает, и прочие подакивают. И сам Тетырчев соглашается. Или вы не в курсе, что по всей Нистрени конкурс среди ветеранских организаций — “Битва хоров”? И что мы с нашими “Нистряночками” — наипервейшие претенденты. Совсем вы от общественности и коллектива оторвались. Всё печёшься об своих, пирожки им печёшь и соли подтираешь.

— Не хуже твоего знаю про “Битву...”-то. Это кто ж вам такое сказал, что ваши “Нистряночки” наипервейшие?

— Да все говорят. Хоть и Митрича слово...

— А Митрич у вас ещё и за музыковеда?

— Так и говорит: “Ничего, бабочки-нистрияночки. Нам бы день продержаться, да ночь простоять! Особенно ночью!..” Это он, значит, “нистрияночек” и “ночки” обыгрывает. И многозначительно так говорит, бровями своими кустистыми так поигрывает, что у нас у всех аж горячо в грудях становится... А он пуще прежнего, значит, вещает: “Как вдарим “Нистряночками” по безголовым этим “сурдо-старушкам” — мокрое место останется!” Это, значит, он “Сударушек” имел в виду, из СВОПРа*. Мол, голоса у них нет настолько, что им только на пальцах изъясняться. Как сурдопереводчицам...

— Да поняли мы, чай, не совсем дремучие...

— А я вот не поняла, что за сурдо... Мне вот спасибо, что растолковала...

— Да ты, Фроловна, и правда, что дремучая...

— Да ты на себя, Зойка, глянь. Сама, небось, ни черта не поняла, а умничаешь...

— Ладно вам ссориться... — властно осадила спорщиц Ветчанинова. — Главное ведь прочие: “Черноморочка” там из ПКНН, “Нистрянский настрой”

* СВОПР — Союз ветеранов охраны правопорядка.

из СЗН — те нашей “Нистряночке” не чета и не конкуренты. Ни костюмов, ни голосов, ни рожи, ни кожи. Не зря, вишь, одних пуканками, а тех — сазанами кличут. Это значит, от ПКНК и СЗН. Это Митрич надумал. И он, и Валерьяныч считают, что мы на голову впереди, а те без шансов. И Тетьрчев согласен. А вот “ударушки” — эти да... Жюри, вишь, сплошь из управления культуры, а там главная Букина, которая замужем за замначальника УВД, а тот с председателем СВОПРа на охоту ходит. Да и Вединая, худручка “Сударушек” — та ещё ведьма. Одна фамилия чего стоит. И Митрич говорит: говорящая фамилия — от “Ведьмина”. Сказывают, мужика-то своего живьём на тот свет отравила.

— Как так — живьём?

— А вот так: мужик её под каблуком у неё сидел, ни полслова против, сам из ППСников, из каменской Валя-Адынкэ родом, так всю пенсию ей приносил. Так та матери его не давала помогать, какие-то крохи выдавала. А тот и рад, без ума, говорят был от своей Анжелочки, хотя та его старше на три года и страхолюдина. Зато шибко умела одним местом работать. А как мать померла, так заставила продать дом родительский, хотя муж не хотел. А квартиру ему по выслуге дали, так эту приватизировали, добавили от продажи дома и двушку купили на Федько, с видом на Днестр, значит. Вообще зажила барыней. А что, детей нет. Только и знала, что фуфыриться. Сама всё только на общественной работе. В “Нистряночку” ж поначалу пришла тише воды и ниже травы. Тогда ещё Томка руководила хором-то. Так у той музыкальное образование, у той голос. А эта Ведьмина стала ей козни строить, по нарастающей. С головой и чёрт знает с чем в культурную деятельность, значит, окунулась, обретя самую горячую поддержку, значит, в лице Хавченецкого, который в вечных замах в СВОПРе сидит лет уже с двадцать и который в аккурат тогда жинку свою схоронил и вдовым соколом на новобранную “нистрияночку” и озирается. Муж Вединой тухатухой, да стал, видимо, что-то подозревать, пить стал горькую. Та его с глаз долой и спровадила: поезжай, говорит, милый, на заработки, ты ить привык охранять мир и покой граждан, оттого и куксишься, нет достойного применения светлой твоей натуры. Отправился бедолага подмосковные дачи стеречь. А эта, прости Господи, супружница совсем волю взяла, в открытую стала с Хавченецким жить на восьмом этаже с видом на Днестр, а муженька под всяким предлогом от дома отваживать. Даже пару раз говорят, сама к нему ездила. Так, вишь, года три прошло, и тут он приехал. Звонит, значит, в дверь собственной квартиры с видом на реку, а оттуда тянет вкусно так котлетным духом, которые только Анжелочка его умеет жарить. Открывает ему в майке и трусах старый его товарищ и друг Эдик Хавченецкий, глядит на него молча, словно не признал, а после зовёт: “Ангелиночка, иди сюда, тут *пришли*”. А сам стоит, как бы загораживая вход в квартиру. И только когда Анжелочка подошла, вернее, выпорхнула из коридорного полумрака в пеньюаре на телеса, словно заступив место в карауле, убрался в квартирную глубь. А та смотрит на мужа своего, словно впервые его видит. “Анже... Анжелочка!.. Зд... здравствуй! Это же... я, муж твой!” — ей, сбиваясь, лепечет, ничего ещё толком с дальней дороги не соображая. Ведь это он так всегда называл ненаглядную, беззаветно любимую супружницу: “Анжелочка”. А та ему отвечает: “Мой муж Эдуард Олегович. И я вам никакая не Анжелочка, а Ангелина Альбертовна. А вы уже шесть месяцев, как умерший. Соответствующее постановление суда ещё в марте вышло по поданному мной иску, с соблюдением всех процедур в очерёдности, с официальным запросом и объявлением в розыск, признанием по суду навечно выжившим, то есть умершим, с возможностью прекращения брака и оформления выписки из квартиры и переоформления жилплощади. Так что вашего тут ничего нет — ни жены, ни квартиры, и притязать вы ни на что не можете. Потому что и вас самого как бы нет”. И суёт ему под нос номер “Нистрянских сведений”, значит, где чёрным по белому в рубрике “Объявления” пишут, что, мол, такой-то-такой-то признан безвременно умершим, согласно постановлению Парадизовского суда, рассмотренному по заявлению такой-то-такой-то, официально признанной скорбящей вдовой, с наделинием

гражданки такой-то всеми вытекающими имущественными и гражданскими правами.

— А дальше-то что? — не утерпела Фроловна.

— А что? Кинулся новопrestавленный с этой газеткой туда-сюда. А во всех инстанциях пожали плечами и развели руками. Против суда не по-прёшь. Вернее, попересть попытаться бы можно было. Да силёнки надо и, главное, деньги. Отговорили знакомые, отсоветовали: мол, не связывайся с этой стервой, себе дорожке будет. Митрич сказывал, Хавченецкий помог лахудре повернуть, а у того и в судах, и в нотариусах все свои.

— Так она, вишь, по мужу Веди́на, или как? Или Хавченецкая? — спросила тётя Зоя.

— Не разберёшь её, по ком... — с запальчивым презрением ответила Лерка. — Эдика она точно в квартиру вписала, но так вроде и не расписались. А Вединой все её знают. Так и зовут — Вединой.

— И куда муж, умерший-то?..

— Муж объелся груш. Да разное говорят: что назад уехал, в Подмоскowie, другие — что на родину вернулся, в село. Мол, родственница у него там, сестра троюродная, чи шо... Кто-то сказывал: на Киевском вокзале бомжует. Вот ведь с каким злом нам выпало в битве сойтись. Но ничего, правда и талант на нашей стороне. Сколько воронью этому ни каркать, а “Нистряночка” одолеет!.. Митрич так и говорит.

— Что-то, смотрю, Митрич много говорит. Большую силу, гляжу, забрал. Видно, в председатели метит.

— Да Тетьрчев только кивать может. Не зря за глаза тетерей его кличут. Кабы не Митрич, мы бы и заявку оформить на “Битву хоров” не успели.

— А всё ж таки Тетьрчев офицер. Как и мой Васенька, Царствие ему Небесное, подполковником технической службы в отставку ушёл. Васенька шибко его уважал: вот кто знает, говорил, кодекс офицерской чести, порядочный, говорил, человек. А Митрич твой что? Прапорщиком просидел в ОБМО, с каптёрщиками водку пил да срочников на огороде сапать да прошевать заставлял.

— Враки это всё...

— Да уж, враки... Скажешь, не строили ему гараж срочники, когда боевую тревогу по дивизии объявили и пятерых недосчитались? И твоему Митричу, начальнику ОБМО и зам по тылу не сделал комдив потом на плацу выволочку? Его ж за недостачу чуть со службы не попёрли! Кабы зам по тылу дивизии не прикрыл, был бы щас твой Митрич...

— Так то когда было-то, Маня? То ещё в прошлой советской жизни было. Считай, что и не было. Да и не попёрли же. Значит, напраслину возвели на человека... Тут не о прошлом, а про вот сейчас радеть надо. Нам щас отобраться по городу, дать последний бой выскочкам этим ведьминским, да так, чтоб впредь неповадно было, и на республику прорваться.

А там — финал! Не где-нибудь: на Дне города! Марафон победителей отборочных туров, переходящий в гала-концерт лауреата. Во как! Со всей Нистрении съедутся и на площади, перед всем честным миром будем выступать. А организатор-устроитель и председатель всенародного жюри не кто-нибудь, а сынок самого (Ветчанинова многозначительно ткнула облагороженным маникюром указательным пальцем куда-то вверх)... Наф-Наф Дога!

— Страхомордый, что ли?..

— Тише ты, тишун тебе на язык...

— А что? Не я говорю, люди говорят...

— Ох, темнота... Это ж образ такой. Сценический. А на самом деле Зебул-младший порядочный молодой человек, юноша с ясным лицом и добрым сердцем, чуткий и отзывчивый к чужим невздам.

— Это кто ж такой гимн сочинил про ясноликого?

— Это сноха Митричева, и не сочинила, а говорила, как есть.

— Она сама что ль морду его без занавески видела? Сама его чуткость к своим невздам ощутила?

— Сама не видела, а слыхала от тех, кто действительно видел. И то же насчёт доброты и отзывчивости. И в ЦИРКе, ну, в башне Зебуловой, всем

про то ведомо. Уж не знаю, как там Галка, сноха Митричева, чуткость ощутила, да только свёкор тут целиком и полностью её поддерживают. Я так думаю, он ЦИРК в расчёт берёт и в уме держит и по поводу нашей “Сударушки”. Дай Бог, в финал прорвёмся, а там не кто-нибудь, а сам Наф-Наф Дога, Зебул-младший, в жюри председателем воссядет судить. Тут любая причастность к мухомору пригодится. Может, он через сноху, раз она в ЦИРКе не на последних ролях, норовит как-то ситуации поспособствовать. Вишь, Митрич стратег всамделишный, не то, что тетеря Тетырчев.

— Вот ведь страсти... — покачала головой Фроловна.

— Я и кажу, — согласилась баба Аня. — Де ж тут за онучком наглядаты.

— Да он даже на акробатику малого водит. А когда не получается, тот сам ходит. Большой уже, самостоятельный.

— Вот-вот. В першому-то классе... На Настьку иноди дивлюся: за фактурую хошь щас пид венец, а умом — теля телёй.

— Это потому, что Алёнка её опекает слишком... — вывела тётя Зоя. — Как квочка над цыплятами, над ними трясётся и чуть не за руку всюду.

— А краще пустити по свиту як по ветру? Щоб их до наркоманив в пригон або на обочину вдоль дороги на трассе прибило?

— Да уж не знаешь, что лучше — на обочину или под колёса. У меня все девочка-сирота не выходит из головы. Та, что джип задавил. Вишь, как собаку какую, и ничего им за это не стало.

— Так и собаку жалко... А тут человек...

— Так о том и речь. И сирота.

— Ну, ничего не стало... Тут я, Фроловна, с тобой не согласная. Та за рулём, хоть и дура губатая, да ей поди тоже не сахар в убилицы попасть.

— Так кто её с куриным-то мозгом в такой танк посадил? Думал, наверное, на что её отправляет?

— Они там, Фроловна, в мухоморе не думают...

— Сама вот его мухомором кличешь... А меня за поганку совестишь.

— Так то поганка, а то мухомор! Полезный гриб — всяких мух, мошек и прочую сволочь изводит. И лоси его, говорят, едят.

— Ну да, и в Рязани, говорят, есть грибы с глазами: их едят, а они глядят...

— Ну, ты, Фроловна, как выдашь... — заколыхалась от смеха тётя Зоя. — Грибы с глазами...

— Тебе смешно, Зойка, а мне не смешно... — посетовала Фроловна. — Потому что точно, как те мухи. Которые не слетаются на мёд, а бегут от того мёда, кто куда... А кто не успел, у кого, значит, крылышки ещё не окрепли, того, значит, изводят...

— Ерунду ты, Фроловна, говоришь...

— Не ерунду... Вон одну под колёсами, чисто собачонку, задавили... Теперь вот пропала...

— При чём тут “чисто собачонка”? Несчастный же случай. Той, за рулём, чай, тоже не мёд. Народ-то загудел. И негатив-то весь — на эту дурю, — развивала Лерка.

— И в новостях показывали, как она там ходила потом с цветами, — сказала тётя Зоя. — Видно, как перекошило её всерьёз... Богатые, вишь, тоже плачут.

— Ага, народ загудел. Точно мухи — пожужжали, да и разлетелись. А что она хотела: сотворить такое, да ещё чтобы никто не сказал ничего? Шутка ли: ребёнка убить. Это ж теперь на всю жизнь.

— Ничего, откупились, — вдруг заговорщицки проговорила Лерка. — Как Митрич говорит: всё, что решается с помощью денег, решается дёшево.

— Богатые-то, циркачи эти... С них, ладно, взятки гладки, им свой ответ. Тут другое страшно: несчастная-то, выяснилось, сирота при живых родителях. Папаша ейный, гад, вдруг объявился. На крови и смерти, значит, дочкой зарабатывать.

— С ним-то ответчики, видать, и договорились. Сколько-то заплатили за смерть дочери?

— Ох, лучше и не знать. И то, и то страшно. Всё страшно.

— А папашка-то взял денежки и не побрезговал.

— А чего не брать, если дают. Дитё-то теперь не вернёшь. У неё, может, сёстры или братья есть.

— Брат меньшей, тоже в интернате живёт, в Попенках. По новостям передавали.

— Свят... Свят... Оно, вишь, в школе учат про *мёртвые души*, так оно то же самое, что здесь: при *живых родителях*. Я бы этих *живых родителей* при жизни бы жизни лишала...

— Ты, Фроловна, уж больно сурова...

— Точно, слышь, бабоньки, как этот певицы батька, которая померла, с такими ногами и фигурой, как у Галки, Митричевой снохи. Ну, эта...

— Фриски, что ли?

— Точно, Фриске! Как папашка её надрывался за наследство дочкино. Смотрела ток-шоу на Первом. Как они сцепились с мужем бывшим ейным! Чуть глотки за миллион не перегрызли друг дружке. Точно две сварливые бабы на Зелёном базаре.

— Дак то ж миллион. Чи не пучок редиски...

— Я тоже смотрела... Всё ж не по-людски. При всём народе. Хошь и за три миллиона.

— И тут — чисто собачонку... Жалко сиротку. Ведь неполных семнадцать лет. Всё перед глазами, как лежит она, бедная, в новостях, в задратой курточке, перекрученная, голый пупок наружу. Худенькая, как тростиночка. И тут махина эта чёрная, как гроб на колёсах. И никто ведь не догадается животик голый ей прикрыть.

— Ты что городишь, Фроловна! Это ж место преступления. Там трогать рукавицы ничего нельзя. А ты — *прикрыть*...

— Ты, Фроловна, говоришь, неполные семнадцать. А Настьке шестнадцать ось тильки буде. Купила мамка ей телефон, на бабкины переводы, та хошь трохи легче, по телефону созваниваются, контролирует, значит, хто где. Да тут инша напасть: Настька кажнюю минуту в том телефоне, прям как привязанная до нёго... Та — в телефоне уткнувшись, а тот — кроссовки на ноги — бегом из хаты, и до ночи не найдешь. Толика попробуй — за руку. Тот весь в отца — чтоб всё по-евонному, во всё сам хочет влезть. Правда что и то, сейчас же такой стал, с шестого классу. А раньше всё с отцом. На речку, в гараже... Справила малому взуття. Красивки. Уж больно тот просил. Ничё ему не треба — подавай только те красивки. Тоже выдумал: в Бендерах, на обувной фабрике сшиты, а форсу стильки, что чуть не дороже того Настькиного телефона. А тому: купи да купи! Ну, мамка и купила, с отцом советовались, по скайпу этому. Так тот — кроссовки на ноги — бегом из хаты, и до ночи не сыщешь. Уж больно взрослый стал, самостийный.

— Ох, смотри, Аня... Чересчур рано самостоятельность эта у них...

— А то ж, будто мы не бачимо... — вздохнула баба Аня. — Да где ж мне с ногами моими ёго втыгнуты? Да и не будешь над душой стоять. Только гирше буде. И так стал вспылчивый, матери, мне грубит, если что не по-евонному. Ещё с отцом по тому скайпу сохраняет, значит, приличия. Алёнка, ясное дело, в тревоге вся, на двух роботах своих... “Швыдче бы до Сашки уехать”, — одно и твердит, как заведённая. Так Толик, вишь, что заявил: не хочу, говорит, никуда уезжать. “Бабулю не залишу!” — кажет.

Баба Маня примолкла, краем платка отерев подобравшиеся чередой складочки нижние веки.

— Вот молодец внучок! — чуть не вскрикнула тётя Зоя, колыхнувшись всем телом. — А взяли моду: чуть что — бегом отсель. А жить-то кто будет?

— А мы ось и будемо: старый да мальый... — сокрушённо выдохнула баба Аня. — Я йому кажу: “Толечка, на шо жити-то будемо?” А вин мени: “Пока на твою пенсию, бабушка... Родители присылать будут”.

— Ишь, как посчитал-то всё... Быстро учатся они денежки считать, особенно когда чужие... — с деланным удивлением отозвалась Лерка.

— Так в том, вишь, и дело, что не чужие... — отозвалась Фроловна, покачав головой.

— Не чужие... — аукнулась баба Маня. — А потом заявляет мне при Алёнке, при Настьке: “Я, — каже, — тебе, баба, годуваты буду. Всех вас прогую”.

То ли закашлявшись, то ли подавившись смешком, тётя Зоя сотряслась всем объёмом своей переполненно-дряблой плоти.

— Ох, Аня, насмешила меня. Чем же он кормить-то вас собирается?

— “У ЦИРК, — каже, — пиду працовати. В службу безпеки. Там, — каже, — боксёры потрібни”. Не будет папка на север от нас йиздыты, каже, и мамку с Настькой не будет забирать.

— Да, Толик ваш всегда по спорту бегал.

— Так вин же у нас тры роки на бокс ходыть. А в школи, каже, вчить-ся йому не треба.

Фроловна покачала головой.

— Молодёжь теперь вся на стакане этом Зебуловом повёрнута. Точно загнипнотизированная. Витька мой тоже вот... Только и слышно от него: “ЦИРК” да “ЦИРК”. И кроссовки ему до зарезу купи. Да всё что-то бормочет с утра до ночи. А сам в наушниках постоянно, не докричишься. На обед зову, так где там. Сидит в комнате да только и головой трясёт. Или почнёт что говорить. Я думаю: мне или родителям. А он сам с собой. Я ему: чего ты бормочешь сам с собой? А он мне: “Ничего ты, баба, не понимаешь. Это песня”.

— Да уж... — согласилась тётя Зоя. — Нынче точно ходят, как полоумные. В ушах провода и сами с собой на всю улицу разговаривают. Идёшь по улице, будто среди психов. В наше-то время сами с собой только больные на голову разговаривали. Помните, Столпняков всё ходил по Театральному да по Миру?..

— Да как не помнить?.. — с готовностью отозвалась Лерка. — Идёт и всё одно и то же, как пластинка, твердит: “Расстреляю, распатроню ваш котёл... Расстреляю, распатроню ваш котёл...”

— Таньки Столпняковой брат. Ох, свят, свят... — запричитала Фроловна.

Баба Аня, вздохнув в унисон, перекрестилась.

— Он же с Сашком моим в одном классе учился. В школе, Сашок рассказывал, ничего, нормальный был. Это при развале Союза крыша у него поехала...

— Да знаем мы, от чего у него крыша поехала. Это он поперву в седьмую школу, а после Танька его уже в *дебилку* водила. Благо, что рядом. Из школы раз пришли с мамкой на два урока раньше, а дома папка на чужой бабе. Мамка в крик, батьку с шмарой той за дверь выставила, а после пошла и в туалете удавилась. Танька с продлёнки пришла под вечер и так их и нашла: мать в петле висит на стояке, а Женька сидит в комнате: сторожу, говорит, чтобы маму не беспокоили. Только это не при развале ещё, а в перестройку было. Я ещё на заводе Первого Мая тогда работала в бухгалтерии, ещё на Ткаченко не перешла, а Столпняков-старший, отец Женькин, там в транспортном работал. Видный был из себя мужчина.

— Танька и в дом батьку потом не пускала.

— Ну, не пускала... Помогать-то он Таньке помогал. Попробуй одной справиться.

— Танька за братом-то пеклась пуце няньки.

— И отец подсоблял. На лечение Женьку возили в Одессу. То уже при развале было. Только не помогло лечение...

— Раньше-то хоть больные были, как нормальные, а теперь — вроде нормальные, а как больные. В уши затолкают музыку свою, орёт, как резаная, глаза стеклянные и — по зебре. Хоть бы по сторонам посмотрела.

— Так та задавленная вроде без наушников была...

— Ну и что?

— А то... Жалко девчушку. Сиротка.

— Вот ведь: при живых родителях точно сироты, бурьян бурьяном. А потом пропадают...

— А видели, бабоньки, что пишет газета: “Особые приметы: на нижней трети левого предплечья имеется послеоперационный шрам длиной примерно 5 см. В левом глазу — лопнувший сосуд”.

— Ну и что?

— Как что: и шрам, и лопнувший сосуд.

— Так сказано: послеоперационный.

— Какая на руке операция у ребёнка может быть? Да ещё сосуд лопнувший. Может, обижали дитё? Может, из неблагополучной семьи?

— У меня третьего дня теж був сосуд лопнувший.

— Так, вишь, давление атмосферное какое высокое уже который день. И спать не могу. И музыка из забегаловки этой, будь она проклята, кажну ночь... — заворочалась на скамейке тётя Зоя и добавила, вызвав смех соседок на скамейке:

— Им бы всем наушники повставлять в одно место...

— Та я те ж Олёнке кажу. А та: “Ты, мамо, богато телевизор дывышься”. А що багато? Я тильки Перший Нистрянский — новыны да сериал “Долгие провода”. Вони показывают.

А всё же Зебул наш молодец. И сын його — така известна, талантлива детина. Все вид нього без розуму.

— Именно, что без розуму, — аукнулась Фроловна. — Совсем уже мозги потеряли. Где уж тут дитю не потеряться.

— Попомните моё слово — найдётся пропажа... — не уступала Фроловне тётя Зоя. — Им, видать, время такое — лишь бы бегать да шляться. Для того и кроссовки эти, видать, так им охота.

— Митрич говорит: у малого на акробатике всем сказали приобрести спортивную обувь от нашего производителя, — в тему тётя Зое сказала Ветчанинова. — Как бы добровольно, но принудительно. И кроссовки, и чешки. А малой в первом классе, у него ножка растёт. Ему ж на следующий год новые надо.

— Так на то и расчёт... Чтoб каждый год покупали. Это что же за *наш* производитель? — вопросом подытожила Фроловна.

— А их будто у нас пруд пруди... Их не то что, а раз и — обчёлся... У нас, вишь, нынче все дороги ведут в Валю Зебула... — отозвалась Фроловна.

— А всё ж таки зато свой, тутошний... — отстаивала Лерка. — Вон Катька сказывала, в Бендерах зато фабрика обувная в три смены теперь работает, станки новые поставили. А то в полсмены трудились, да полфабрики по полгода за свой счёт по домам сидели.

— Это какая Катька, из хора, что ль, Веверица?

— Ну да, Веверица...

— Так у неё и сынок *циркач*, и невестка там же, в твоём, Лерка, *стакане-мухоморе*.

— А чего он мой? Никакой он не мой...

— Как Катьку ни встретишь, у неё одни разговоры: как ценят её Димочку и как он растёт там по службе, и жёнку свою сумел пристроить, и какой он знающий и незаменимый, — подтвердила тётя Зоя.

— Так и слава Богу... Люди работу имеют и не шастают по свету, чтоб на кусок хлеба заработать. А Катька сказывает, что и на масло на хлеб достаёт...

— Да уж, Катька не то расскажет. А люди вот сказывают про *поганку* совсем другое. Я раз заглянула случаем Витьке за шиворот, пока он в телефон в наушниках свой пялился, так такое там увидела, что потом наказывала отобрать у него эту глупость. Да мамка отмахивается, говорит, что у неё всё под контролем, что как раз спасибо этому телефону, потому что они всегда на связи и её материнское сердце хоть немного на месте.

— Увидела... — отмахнулась тётя Зоя. — Тебе, вишь, с диоптриями твоими примерещилось чего, а ты на дитё потом и накиннулась.

— Да уж лучше б примерещилось. Там, вишь, этот страхоголовый с девами такой стыд непотребный творил...

— Какой ещё страхоголовый?

— Ну, Зебула твоего сынок...

— А чего это моего? Я одна, что ль, за него голосовала? Ты будто, Фроловна, и тётя Зоя, и баба Аня не за него голосовали?

— Я-то сразу за него стояла, — поспешила заявить тётя Зоя. — Прочие — шибко сомневались, что получше выискивали.

Она мотнула головой в сторону Фроловны и бабы Ани.

— А я сразу знала: от добра добра не ищут. Такой пакет привезли: и масло, и мука, и горошка две банки. И гречка...

— То-то же... А ты, Фроловна?..

— А что *Фроловна*? Чего ты меня пытаешь? За кого надо, голосовала. Ну, за него. Так и что? Всё равно вон кандидат мой — Диснейленд, в той же мухоморовой башне, у Зебула в заместителях. И Анина кандидатша — в ЦИРКе на больших ролях. Чего ж за подставных голосовать, когда сразу можно за главного? И греча... Я её, когда варю, всё как будто про нас. Ссыпали нас зёрнышко к зернышку, круто посолили и на огонь, кашу замешивать.

— Прежде перебирать её надо с час, — сказала тётя Зоя. — Мусора там — вполовину веса.

— Мусора — да... — многозначительно согласилась Фроловна.

— А чего её замешивать, чай, не мамалыга... Соли вперёд того, как закипит, тогда самый вкус... — сказала тётя Зоя. — Но прежде промой. Залить надо и дать постоять. Чтoб набухла.

— Любишь ты учить, Зойка...

— А как вас не учить, — снова заквохтала-заперхалась тётя Зоя. — Кабы не разъяснила вам правильную политику, кабы вот Лерку не позвала в агитацию, так бы и проголосовали, как те дурёхи. А мучица с маслицем, вишь, не помешают.

— А правда, что деревню свою Зебул в честь бабы своей назвал? Мол, Валя Зебула и есть баба его тайная, которая Валентина и мать его сына страхоголового?

— Откуда мне знать? На то, знать, и тайна, чтоб не знать...

— Ну, может, Митрич сказывал. Ейная же дочка там трудится. Или Катька что говорила.

— Ничего они не сказывают. Ничего про то не слышала.

— Тоже, вишь, ничего про мать его не слышно. Выходит: сирота.

— Много тебе чего слышно. У тебя слух в аккурат с твоим зрением — ноздря в ноздю. Мать его умерла, в Христофоровке похоронена, на родине... Катька-то родом из Мокры, так она сказывала...

— Погоди, чья мать?

— Ну, чья-чья — Верховного нашего, Зебула...

— Так я не про его мать, а про сына его мать...

— А-а, про сына мать... Так ты так и говори, а то запутала меня, какая мать...

— Да уж, тебя запутаешь: канатов не хватит тебя путать...

— Да ты на себя-то посмотри...

— Будет вам, бабоньки... Разгадделись, чисто малые дети. Вы ещё подеритесь...

— А и подерусь. Будешь, Фроловна, на тучность мою намекать, как дёрну за космы, так на парик будешь пенсию свою копить. Всё, вишь, про Васеньку своего вспоминает. А будто мы не знаем, что Васька твой, обормот, к Тamarке шастал.

— Ах ты, черноротая, гнилой твой язык!.. Да ни один мужик на тебя не зарился. *Намекаю!*.. Я не намекаю!.. Я те в глаза говорю, что ты чистый левиафавн!..

— Кто?!

— Левиафавн...

— Это кто?

— Бегемот, только больше. Не на полскамейки, а на цельную...

— Ах ты, паскудница...

— Ой, Аня, держи её, одна не удержу!..

— А где Фроловну-то потеряли?

— Так на кухне вона, готуе. Чувешь запах, по всему двору? Аж желудок зводит. У Витька ж сёгодня день народження. Вареныкы, каже, з картоплею, з капустою и з сыром. А пияля плацинды почнёт пич.

— А и верно, Витька сегодня именинник. Ох, и в самом деле, пахнет... А у меня с утра маковой росинки: в клуб на репетицию, потом в Совет...

— На что Фроловна вкусно готовит, а Алёнка Анина всё ж вкуснее.

— Да ладно... Фроловна те ж смачно готуе... — ответила баба Аня, с удовольствием засмущавшись от признанных вслух кулинарных способностей невестки.

— Так ты, Лерка, вечером подходи-то во двор, — сказала тётя Зоя. — Фроловна обещалась за внучка вынести нам *лялечку*, ну, и к ней — закуска, как полагається. Понячим лялечку под акацией, на свежем воздухе. Ой, а что это с лицом-то. Где упала-то? Не на репетиции, часом?

— А вы будто не слышали? Ну, да... Это ж вчера в вечеру случилось. Весь совет гудом гудит, только и разговоров сейчас.

Лерка Ветчанинова не торопилась подсаживаться на место, которое освободила ей Фроловна на скамейке. Как бы невзначай приподняла, поправляя, старомодные солнцезащитные очки в громоздкой роговой оправе. По левой стороне, из-под покрытого царапинами стекла, подтёком стекал лилово-сиреневый синяк с кровавым подбоем.

— Это я об поручню, в троллейбусе... — горделиво пояснила Лерка. — Ведьмина, стерва, за волосы меня схватила и об поручню двинула. А я ей парик за то стянула. А она лысая — при всём своём ансамбле. Ох, вид у её был, точно в сортирную яму провалилась. А я ещё успела ноги об парик её вытереть — чисто об половик: “Носи на здоровье!”. Эх, жаль не видел её хахалёк ейный, Эдик Хавчик. Да где ж ему увидеть: машинку свою оплакивает! Третьего дня, видишь, сгорела машина его, “Иж-комби”. И теперь, видишь ли, королевне его, хударушке “Сударушек”, не на чем ездить, окромя как на I-м троллейбусе.

— Дак они всегда на “однёрке” в центр ездют. В “Сударушке” у них все, считай, с Кировского, вот они на вокзале собираются и на “однёрку”.

— Зоя, да нечто я не знаю, что это их маршрут. Да мы с Катериной к Ленке Солонарь зашли, насчёт реквизита к номеру договориться, и ещё там, по заявке на конкурс... Митрич просил, чтоб с глазу на глаз, не по телефону всё обговорить. Ленка у нас же секретарь в ВэВэСе. А она на Цви-гуненко, в “сталинке” живёт. Туда через парк-то прошлись в своё удовольствие пешком, а назад решили подьехать, потому как быстрее надо было в Совет бумагу отвезти. Ленка-то на больничном с внучкой сидит. Ну, мы ей по-фронтовому: “На сборы пять минут. Тут обстановка, приближённая к боевой. Народ в Совете ждёт”. Ленка, правда, начала было, что вот, мол, внучка с температурой. Но мы это дело быстро пресекли, как Митрич говорит, “по законам военного времени”: чай, на дворе не мороз, а весна-красна, дитю дышать надо, бактерии гонять. Короче, дитё одели-обули, в охашку и — с собой. Надо молодёжь с малых лет к общественной жизни приучать, тогда и патриоты вырастут.

Лерка перевела дух и, наконец, уселась.

— Мы, значитя, в троллейбус только шасть, а там вся эта кодла Веддинская, с гримзой своей во главе. А назад же не попрёшь. Чтобы Лерка Ветчанинова такой швали спину показала? Да ни в жись! А та сходу, падла, как накинется! И при ребёнке! Сначала словесно: вы, мол, гады, моему Эдику ненаглядному машину спалили! За то, что мы вам не дали очередность выступлений в отборочном туре нарушить. Так и кричит, на весь салон! “За машину твоему Митричу срок впяют!.. Пусть, — кричит, — сам скорее бегит сдаётся, а то, если его раньше найдут, хуже будет”. А я только поперву растерялась. Как зашли, гляжу: салон-то, считай, битком, и весь из “сударушек”, будто, слышь, цельный троллейбус под себя заарендовали. Как она про заявку да про машину хахаля своего старпёрного, так взяла меня ярость

благородная. “Врешь, паскудница! — ей в рожу кричу. — В заявки свои, как ни садитесь, а всё равно вам медведь на уши наступил, да ещё и попрыгал на них! Вон, — кричу, — ухи-то у тебя, чисто две плаинды!”

— А ухи у Вединой и в самом деле, как два блина.

— Да не то слово! Она их всё под парик прячет. Ну, сейчас и до парика дойдёт. “Ты, — кричу, — шалашовка, ещё угрожаешь? Да машину твою хахалю, такому же бесстыжему, как и ты, бесстыжая тварь, небось, мужик твой спалил! Или думала, что не будет с тебя спроса? погоди, это ещё цветочки... Есть и высший суд, *наперсница разврата!*..” Как я про наперсницу ввернула, троллейбус аж будто вымер. У этой твари плаинды ейные с рубиновыми серьгами стали красные, точно те два рубина. Ну, тогда и сцепились мы. Ох, скажу я вам, это было дело. Хорошо, что с Катькой я была. У Катьки рука — чисто, как у вас, тётя Зоя. Да в движении ещё и потяжеле будет. А Ленка-то Солонарь, мало, что грамотная да в бумагах сечёт, а все ж трусоватая. Всё Олечку, свою внучечку, да печать Совета в кулёчке под себя прятала. Эх, кабы эти знали, что печать при нас была, живыми бы нас не выпустили... Ха!.. Где им?!.. Получили по первое число. А хорошо, однако, что и остановка уже подоспела. У винно-коньячного как раз и вырвались от подлюк этих...

— А, вишь, значитя, правду говорят, что Вединая химию принимает. Если, говоришь, лысая...

— А вот потому и говорю: есть Божий суд... Со всей силы — об поручень. С утра шевельнуть всей стороной левой не могу. И жевать не могу — больно...

— А нечто Митрич к машине сгоревшей отношение какое имеет?

— Да эта из ума выжила или от химии своей, вот и несёт чёрт знает что. Там такое корыто, что само небось загорелось. Или ещё того хлеще: специально сами подожгли, да так обставили, чтобы улики на нас напраслину навели. Там, вишь, нашли спичку и обрывок обгоревший газеты, и в аккурат с адресом подписки будто бы нашего Совета. Митрич так и говорит: происки врагов, коварство и неразборчивость в средствах достижения далеко идущих целей. А всё ж пока перешли на конспиративное положение, “по законам военного времени”. Сегодня у Валерьянки, ну, у Антона Валерьяновича собираемся. У Пущепрежнего квартира двухкомнатная, и порепетировать можно. А Совет на кухне заседает. Отслеживают обстановку, проводят диспозицию и рекогносцировку. Только вы, это, никому ни-ни, где мы репетируем. И Фроловне не говорите.

— А что Фроловна?

— Так сын у неё милиционер.

— Так он сколько уже на пенсии. Да плюс к тому с Веркой на заработках они сколько уже...

— Сколько не сколько, а бывших ментов не бывает. В гости-то приезжают, пенсию получает? Получает. В общем, смотрите мне...

— Да кому мы когда что рассказывали!.. Ты же знаешь, Лерка, — могила!..

— То-то, что знаю... Тут до отборочного тура надо продержаться, а там, Митрич говорит, пойдёт полегче. Так что, бабоньки, борьба прям как в прежние времена...

— Да, только прежде по делу боролись...

— Ну, такова, как говорит Митрич, диалектика истории. Прежде был внешний враг, а нынче — пятая колонна проникла в самую нутрь... И вишь, сила за ними, репрессивный, как Митрич говорит, аппарат... И, видишь, ищут. Тут, главное, сдуру под горячую руку не попасться...

— Да уж, ищут. Девочку вот пропавшую тоже ищут уже какую неделю?..

— Другу...

— Ага, вторую неделю... И всё найти не могут. Так что Митрича твоего не сыщут...

— А як же ш вчера её бачили, в Шмалене? Сама бачила, як по телевизору показывали...

— А, про беглянку эту? И я вчера в новостях видела... Говорила, что шлэндрается где-то, приключения ищет на свою...

— Ой, бабоньки, а я вчера новости-то и не посмотрела. Всё из-за битвы этой... До того ли было... Мы вчера допоздна в Совете заседали...

— Так вчера в новостях показывали девушку с собачкой. Выгуливала она собачку, значит, сама рыбницкая, а дача у неё на озере в Шмалене. Так эта шлэндра возле дач шмаленских подошла и просила у девушки пятьдесят рублей, говорила: “На дорогу”. А та не дала, конечно, и спрашивает: “Как тебя зовут?” А та вдруг — бежать. Ну, и убёгла в сторону дач. А по описанию точь-в-точь пропавшая: и куртка, и сапоги, и шапка серая.

— У Катьки дача в Карагаше, так она туда ещё не выезжала. Говорит: рано ещё, вот через недельку надо копать-прошевать.

— Да где Карагаш, а где Шмалена!

— Хиба ж я знаю, где твоя Шмалена!.. — Карагаш — он вот он, тут, под боком. А Шмалена — то аж Рыбница...

— Так я не про то, что Карагаш, а про то, что рано ещё, на дачах делать нечего...

— Так и девушка та, значит, в Шмалене, говорила, что на дачах ещё никого нет. “Не сезон”, — говорит. А эта, вишь, шлэндра, сообразила, где спрятаться.

— Так и что?

— Что “что”?

— Ну, поймали её? В смысле: нашлась пропажа?

— Так в том-то и дело, что не нашли. Эта, значит, с собачкой, подняла тревогу, мужу позвонила, тот сказал: “Звони в милицию”. Ну, и приехала, значит, милиция, прочесали весь дачный посёлок, поблизости все дома обошли. Нигде, говорят, не обнаружили.

— Швыдка.

— Не то слово... Ей, вишь ли, пятьдесят целковых вынь да положь.

— Да из Рыбницы в Христофоровку за четырнадцать можно доехать. Катька вон ездит в Карагаш на дачу за полцены как пенсионерка, за три пятьдесят. Это значит, полный билет до Парадизовска — семь рублей. А там расстояние до Рыбницы такое же, как из Парадизовска до Карагаша — пять рублей. У нас же в “Нистряночке” Тамара Петровна, сама мокрянская, к брату, к родне часто туда ездит. Так она, значит, с бабушкой этой пропавшей Симоны в кумэтрах...

— Какая Тамара? Томка Тихолаз, что ли?

— Ну, да... Это, значит, сын кумэтрин женат на старшей сестре этой, которая пропала. И ещё брат у них. И младшие вместе со старшей сестрой и семьёй её живут, и она им заместо матери.

— А мать где? Родители?

— Померла вроде...

— Вроде... Что ж ты, Лерка, у Томки не вызнала?..

— Да некогда было мне. Про отца только сказала, что, как матери не стало, стал он сильно пить, домой не являлся. Как являлся, скандалить начинал. Ну, муж дочки старшей пару раз его на место ставил. На порог, значит, выставлял по-мужски. Так его родительских прав лишили, так тот теперь в Плоти. Сам оттуда родом.

— Какой плоти?

— Плоть, село такое, в Рыбнице там же. А ты не знаешь?

— О, дивиться!.. Фроловна иде. И щось смачне несе...

— Здравствуйте, соседки! Вот вам на пробу. Только с плиты сняты.

— Ох, горячие... Пусть остынут-то... Мочи нет терпеть, как вкусно пахнет...

— Это, что ль, на кефире твои, Фроловна?..

— На кефире... С капустой, с картошкой, а вот, с краю, — с творогом.

— За здоровье Витька твоего...

— За здоровье рано ещё. Он после обеда народился, в 15.30. Вечером посидим, за здоровье внуково поспрадуем. И ты, Лерка, подходи...

- А-а!.. Так бы сразу, Лерка, и сказала. Понятно теперь, что откуда берётся... Эта, видать, в папану пошла...
- Да в том-то и дело, что и семья благополучная была во всех смыслах. Петровна так говорит. А Петровна зря говорить не будет.
- Да, Томка-то жинка дуже правильна.
- Батька их по строительному делу был очень большой мастер. По дому всё сам. И в доме достаток, трое деток, и все в заботе и любви. И на башню взяли его, на строительство нашего, значится, гиперолоида, ещё только когда стены возводили. А туда любого не возьмут. А потом вот так пошло всё: как мамки не стало, мужик под откос пошёл. Так и всё одно дети на улице не остались. Старшая-то замуж вышла, и живут в родительском, значится, доме, и младшие при ней, и вроде как дружно живут. Петровна вот говорит: девчонку именовали не иначе, как: “Симоночка”. И телефон новый ей купили, такой, что с экраном. Да только на связь не выходит. Звонят ей, а телефон отключён.
- Вот, вишь, и возраст подошёл: вишь, передавали: по факту двенадцать, а выглядит на все тринадцать.
- Так и що? Всё одне дитя...
- Дитя, а пятьдесят рублей сообразила просить. Это куда ж она намылилась? В новостях-то вон потом передавали, что после как из Шмалены был звонок, и там всё прочесали и обыскались, после из Каменки был звонок. И там видели девчонку, похожую на ту, что разыскивают. И тоже обыскались, а ничего не нашли. Ох, Фроловна, а с капустой-то — прям гает. И жевать мне с моими протезами не надо...
- А мне с картошкой попался... Вкусно, Фроловна, твоё тесто на кефире.
- Так я ж тебе рецепт говорила.
- Говорить-то говорила, а всё одно не так у меня получается. Петровна говорила, мол, в Христофоровке, ещё только семья в розыск пропавшую объявила, сами сельчане организовались, человек двести вышли и лес прочёсывали. Всё излазили и в лесу, и вдоль берега, никого не нашли.
- Ищи ветра в поле. Да тем более — в лесу... Она, небось, уже где-нибудь по Одессе колесит. Эх, время молодое!.. Где мои годочки молодые!.. Сядешь, бывало, на дизель, и через два часа уже на море. А мамка-то и не знает!..
- Ну, ты, тётя Зоя, вспомнила... Времена-то не ровняй. Ей, чтоб на дизель, до Парадизовска ещё надо добратсья. Кто ж её нынче пустит в Одессу? Она ж без документов. На границу бы сунулась, её бы первым делом домой доставили. Петровна сказывает, Симоночка эта и деньги копила, откладывала. Компьютер хотела купить. Так и деньги, и документы дома остались.
- Значить, не було у ней задумки з дому ити...
- Да кто их разберёт, что у них в головах нынче робится? У них все мозги нынче в телефонах ихних... А тут ещё вот компьютер ей подай. Значится, одной игрушки с экраном мало, ещё одну подавай?
- Почему же “подавай”... Копила, сама хотела купить.
- Хотела... А откуда у ней деньги свои в двенадцать лет? То-то и оно, что хочется им, чего ещё рано им...
- Поначалу родные думали, что до батьки она подалась. И милиция у него в Плоти была. Да там её не было. И отец их сам допившийся до чёртиков. За четыре года, как его прав родительских лишили, ни разу детей-то не приехал повидать. На принудительном уже побывал, из запоя не выходит, а как выйдет, соображает еле-еле.
- Может, оно и хорошо, что подальше от такого держатся. Да и он, видать, не настолько мозги пропил, что понимает: деткам без такого, поди, лучше будет.
- Без какого “такого”? Отец, какой ни есть, всё одно отец. Может, он и спился от того, что детей его лишили. А об чём речь-то?
- Вот, вишь, Фроловна, узнаю тебя... Вишь, не ведаешь даже, об чём речь идёт, а уже своё веское норовишь вставить...

— Дак об чѣм бы речь ни шла, отец и мать детям завсегда нужны. Я вот с утра сегодня Витьку пытаю: внучек, коток, чего хочешь на день рождения? Мамка денег вчера прислала переводом, аж две сотни долларами.

— Избаловала вас Ленка-то...

— Да не перебивай ты, Зоя... А он мне знаете, что в ответ: ничего, говорит, мне, бабушка, не надо, ты мне, говорит, кроссовки купила и — спасибо, купи лучше себе что-нибудь. А мне надо: пусть мамка вернѣтся. И папка...

— Ох, свят, свят... А ты що?

— А что я? Говорю: “Мамка приедет”. А он: “Когда приедет?” Я говорю: “Скоро”. А он опять вопрос: “А папка?” Ну, я что отвечаю? Говорю, как есть: “Ты, Витенька, уже взрослый, понимаешь, что папка с мамкой развелись”.

— А вин що?

— А он говорит: “Никакой я не взрослый. Я маленький и хочу, чтобы у меня были папа и мама, — говорит. — Ты же, баба, купила мне кроссовки, когда я сильно захотел. Ты, баба, всё можешь. Так если они развелись, ты их сведи, потому что я сильно этого хочу!” И не говорит, а кричит уже, а у самого слѣзки в глазѣнках дрожат. Крикнул и побѣг в кроссовках своих заветных...

— Так, вишь, сидим-говорим, глядь: Витька точно угорелый пронѣсся. Вот, думаю, Фроловна внучка покормила, энергия через край так и прѣт...

— Так про кого разговор-то у вас?

— Так про эту девчонку, что в церкву пошла, да, видать, не на ту тропинку свернула.

— Так нашли же её, девочку эту.

— Как нашли?!

— Вишь, говорила, что прочѣсывают... И в Шмалене, и в Каменке видели, и урочище прочесали монастырское Калагур, и Христофоровский лес. До шмаленского Комсомольского озера, и Днестр весь, вдоль берега, до самой Рыбницы обыскали. Кто ищет, тот всегда найдѣт.

— Это ж докудова успела гастролѣрша эта убежать?..

— В лесу нашли... Ох, свят, свят... Вот только по радио передали. Я как раз с картошкой со сковородки снимала. А тут по радио: пропавшая и объявленная в розыск найдена мѣртвой, возле Днестра. Тело обнаружено рыбаками рано утром, между сѣлами Христофоровка и Зозуляны, возле Днестра.

— Ох, свят... свят... Утонула, что ли?..

— В заводи была, под скалой, у водопада. Говорят: оступилась...

* * *

— Симка! Хорош в прятки играть! Открой!..

Брат уже не дѣргал ручку двери. Постучал аккуратно, подождал, постучал снова. Было слышно, как он терпеливо сопит за дверью. От этого сразу стало легче. Но обида ещё горячо ворочалась внутри, то прихвывая, то разжимая сердце.

— Слышь, Симона? Ладно, ты это... Не дуйся... Короче, больше не буду... Симоночка!.. Пора нам. Ну, открой. Идѣм вместе. Ладно, как знаешь... Хочешь: возьми телефон, если тебе так надо. Я иду, короче, а ты догоняй... В монастыре отдашь...

“Иди-иди...” — беззвучно, одними губами шептала девочка, отирая слѣзы. Плечо почти не болело. Вовка, когда забирал телефон, толкнул её, и она ударилась о дверной проѣм. Даже не ударилась, а кожей на предплечье саданулась по касательной. Поначалу было больно, а теперь уже почти не болит. Только красное пятно.

А Вовка грубый стал. И жадный. Раньше чтоб её когда толкнул... Никогда. Папа, когда от них ушѣл, сказал лёле*: “Аннушка, ты не бойся. И ты,

* Лѣля (молд.) — старшая сестра.

Симоночка, не плачь. Я вас буду защищать”. А Аннушка обняла их тогда — её и брата, и тоже плакала. А она ревела тогда в голос. А Вовка их обоих утешал, и действительно, казался Симоне взрослым и сильным. Хотя он всего-то на год старше.

А как он заступился, когда Пысларь возле школы хотел книжку у неё забрать. Аннушка купила ей книжку — “Волшебные сказки”. Там и про Белоснежку и семь гномов, и про Золушку, и про Красную Шапочку, с такими картинками, что она не могла оторваться. Особенно про Красавицу и Чудовище, которое было нарисовано таким жутким, что страшно было открывать эту страницу, но в то же время необъяснимо тянуло это сделать, ведь там, дальше, чудовище превращалось в прекрасного принца. Всё казалось ей, что она в этом мире волшебном, где обязательно исполнится её самое заветное желание, и она встретит маму и папу. А Аннушка — добрая фея. Надо только очень захотеть и сильно-сильно, что есть мочи, всё это представить. И у неё получалось войти в этот волшебный мир почти без усилия. И в школу несла волшебную книжку в руках, боялась, что в ранце помнётся. Пысларь говорил: “Да не бой ты... Посмотрю и верну...” А она плакала, безутешная от того, что не вернёт. А другие мальчишки, те, что с Пысларём были, смеялись, что она сопли пускает, и ей от этого ещё горше и обиднее плакалось. А Вовка подбежал и молча ударил Пысларя. У того кровь пошла на лбу. И шишка выросла. Недельку потом в школу с шишкой ходил. А он старше Вовки на два года. Она ещё брата никогда таким не видела. Яростным, что ли... У него, оказывается, камень в руке был, кусок красного кирпича. Сам, говорит, не понял, где и как его поднял, видел только, что сестрёнка плачет, а эти гады смеются. Так и сказал: *гады*. Книжка в пыли испачкалась, но у Симоны сразу слёзы высохли. Точно камень тогда с души упал. Вовка, видать, тем камнем Пысларя и звезданул. Ничего Вовке не сделал. И дружки его. Книгу выронил и убежал. И друзья его следом. Но это четыре года назад было, сразу, как папа от них ушёл.

А теперь брат грубый. Стал водиться с Сереньким и стал жадный. Перестал с ней играть и называет Симкой, как мальчишки в классе и Серенький. Ей это прозвище не нравилось, и она на него не отзывалась, а они чувствуют это и начинают дразнить. Раньше не дразнились, потому что Вова заступался. А теперь в школе, когда сам встретит, спрашивает: “Ну как, Симка?...” Она не отвечает, хочет показать, что не нравится ей эта “симка”, чтобы он понял и назвал её, как всегда называл: Симона. Или Симоночка. А он только махнёт рукой и такое равнодушие напустит, что у неё в груди начинает ныть.

Только и осталось от прежней их дружбы, что совместный поход в монастырь. На воскресную службу они всегда ходили с мамой, а потом, когда мама умерла, с лёлей, а потом, когда Аннушка вышла замуж за Стаса, — с его матерью, бабушкой Милой.

Пока текли дни недели, исподволь нарастало предвкушение праздника, и каждый раз это ожидание не обманывало, словно какое-нибудь негромкое, но неизбежное чудо, которое непременно свершалось, обступая в церковной ограде радостным звоном колоколов, запахом пчелиного воска и мёда от горящих свечей, вкусом монастырских пирожков, лицами односельчан — нарядных, словно бы с готовностью откликавшихся на этот звон, по пути в монастырь — радостных по случаю недолгого избавления от хозяйских забот, а на службе — торжественно сосредоточенных.

Дети играли в чисто выметенных, ухоженных аллеях, и Симона с Вовой тут же к ним присоединялись, среди тени и света, и маминого голоса, негромко и ласково призывавшего их не бегать так быстро.

А потом Вовка вёл её к пещерам. Их сухой, прохладный сумрак исподволь пронизывал тайной и трепетом, и как хорошо было после подставлять ладошки под сверканье струй, срывающихся со скалы отвесной стеной. Не зря это место прозвали цыганским омутом. У водопада, безоглядно летевшего в пропасть, душа трепетала, нанизываясь на страх, но совсем по-иному — вся в облаке туманно-искристой росы — плескалась в безудержно ярком восторге.

Один раз, в конце лета они с Вовкой отправились подальше от взрослых глаз, на задний двор, где у монахов были посажены виноградники.

На кустах висели крупные янтарно-сиреневые грозди. В воздухе между рядами стоял медовый дух, а от гроздьев шёл свет, будто внутри каждой бо-бочки прятался язычок золотистого пламени. Вовка захотел сорвать гроздь, чтобы её угостить, а Симона его отговаривала. У них дома тоже зрел виноград, среди прочих сортов — и духмяные грозди Изабеллы. Но монастырский должен быть не в пример вкуснее, и Вовка не совладал с искушением. Гроздь всё никак не отделялась от лозы, и тогда Симона взялась помочь брату, и в этот миг их и застал у куста монах. Он показался суровым и страшным, с испещрёнными морщинами, утопленными в густую седину бороды и волос, ниспадавших из-под чёрной шапки, суровым лицом старика. Сердце Симоны обмерло от испуга. Вовка, побелев, выбежал из рядов на дорожку. Монах вдруг улыбнулся, и морщины, словно сухие русла ручьёв, вдруг наполнились светом, удивительно схожим со свечением виноградных кистей.

“Это вы верно тянетесь в лозие”, — сказал отец Серафим. Так его звали. Ещё он сказал, что небесный покровитель нистрянского монашества, преподобный отче Паисий одно время вкушал лишь грезнь винничия. “Ибо в лозе виноградной — благословение Божие”, — произнёс отец Серафим. В руке его был секатор — садовые ножницы, такие же, как у отца. Отец Серафим срезал две грозди и угостил детей, напутствовав, чтобы в следующий раз не брали без спроса, а просили. Ибо сказано: просите и дано будет вам.

Они с Вовкой всегда вспоминали про этот виноград, пока шли на воскресную службу. И Вовка словно сбрасывал с себя холод и нарочитое пренебрежение, которые напускал, придя домой из школы, или тем более в школе. И всё становилось, как раньше, и приближение к монастырю превращалось в приближение к празднику.

Монастырь располагался в урочище Калагур. Пугающе чудны были для детей эти слова: и “урочище”, и “калагур”. Будто урчит огромный балаур. Отец Серафим говорил, что место называлось так издревле, в память об отшельнике, добром старце, когда-то молившемся в соседних пещерах. А баба Мила говорила другое: что “калагур” — от сектантов, что ещё при царе поселились возле Христофоровки и творили непотребное, и раз выкрали из села дитё и до смерти замучили в своём сатанинском обряде, и сельчане учили над сектантами самосуд и всех извели, с бабами их и приплодом, то ли избили, то ли заперли в ихних хатах и пожгли.

Сейчас окрестности монастыря и всё урочище скорее походило на парк, ухоженным своим видом внушая умиротворение и мысль о том, что верны слова про Калагур отца Серафима.

Симона вдруг спохватилась, что Вовка-то вот уже ушёл. Ещё есть возможность его догнать. Вот он сейчас, за дверью, говорил уже не “симка”, а “Симона”, “Симоночка”. Баба Мила тоже обращается к ней “Симоночка”. Она добрая. И Стас, Аннушкин муж, добрый, хотя и хочет казаться серьёзным и строгим. Но это он больше на людях перед Аннушкой себя так показывает. А так он сестру любит. И сестра его любит. И прав отец Серафим: то, что Аннушка полюбила Стаса, не значит, что она перестала любить Симону и Вовку или стала любить меньше. Так отец Серафим и сказал: “Истинная любовь не перестаёт”.

И слово такое: “не перестаёт”. Отец Серафим всегда такие слова говорит: вроде и не понятно, а будто съел ягоду от грозди виноградной, и стало вкусно и хорошо. Он же и совет дал: не копить обиду. Обида всегда пустая. Она, как яма: роешь её в собственной душе, и сам в неё попадаешь. Батюшка так и сказал: на добро свои мысли направь, подарок какой-нибудь сестричке старшей сделай, своими руками, чтоб от сердца. Добрая мысль, она как павить*, с которой доброе дело обымает**.

Вот она в школе после уроков подушечку для иголок пошила, в виде сердечка — для лёли Аннушки. Нина Ильинична, учительница по технологии

* Павить (церк.-слав.) — виноградная лоза.

** Обымать (церк.-слав.) — собирать урожай с виноградной лозы.

и домоводству, помогла с тканью и материалом для набивки, и с выкройкой, и подсказывала, как правильно шить. И как Аннушка обрадовалась сестричкиному сердечку-подушечке, и как она плакала, и вместе они плакали, обнявшись, и Симона нисколько не стеснялась своих слёз и Стаса, который стоял тут же и был не серьёзен и строг, а смущён, и ни капельки не мешал.

А потом сладкие и лёгкие-лёгкие слёзы сменила досада. Симона расстроилась. И всё из-за того же сердечка. Пришла баба Мила и начала подушечку Симоночки хвалить. И Симону вдруг точно обожгло: а ведь про бабушку Милу она не и подумала! А ей вон как понравилось сердечко. И как бы она обрадовалась такому подарку! Надо обязательно что-нибудь придумать для бабушки, может, и не дожидаясь какого-то повода.

Тогда же, уже основательно рассудив и запланировав, задумала Симона, что сделает к 23 февраля танк из солёного теста, а вернее, три танка: один — Стасу, один — Вовчику и для деда Петра. Сейчас, на 14-е, Андрейка Салкуцан, который с ней на русском и литературе сидит, нашёл у себя на стуле сердце из солёного теста — раскрашено в алый цвет, а сверху — выпукло белым: “Поздравляю, Андрей!” — и завитушки тоже выпуклые, белые. Красивое. Салкуцан ещё спросил: “Симка, откуда это взялось?” А она ответила, что не знает. И ещё добавила, что точно не она положила, а он в ответ рассмеялся. И пошутить получилось удачно. Когда Серенький начал после урока её дразнить, рассмеялась вдруг ему в лицо и только махнула рукой, так что он перестал дразниться и растерянно умолк.

А ведь она знала, кто Андрейке Салкуцану сердечко подарил. Ксюша Гыжа положила его на стул в самом начале перемены, когда только заходили в класс. От этого знания чужого секрета почему-то становилось тепло и радостно, потому что в ранце была спрятана её подушечка-сердечко для Аннушки.

Она даже хотела попросить у Ксюши, чтобы та научила её, как лепить из солёного теста, но потом передумала. Ведь если она спросит, тем самым выдаст, что знает чужой секрет.

Нина Ильинична с солёным тестом не работала, но обещала узнать и рассказать. Но это аж в понедельник, а тут целые выходные и времени до праздника мало.

А тут они с утра готовились уже идти на службу, а Вовке позвонил Серенький, что-то ему не по телефону надо было срочно обговорить, и тот крикнул, что “шас вернётся!” и убежал, а телефон оставил на тумбочке. И Симона решила глянуть в интернете, как лепить из солёного теста.

Вовка январский, и ему подарили телефон на день рождения, его мечту всего предыдущего года. Аннушка призналась Симоне по секрету, что они со Стасом и с бабушкой Милой и дедом Петром подарят и ей телефон. А у Симоны день рождения аж в сентябре. А ей очень-очень, прямо до зарезу нужен телефон уже сейчас, ко Дню защитника отечества. Не только из-за этого солёного теста. Из-за папы.

Симона придумала сделать к празднику танки из солёного теста, раскрасить их зелёной и чёрной краской — для Стаса, для Вовки и для деда Петра. А какой лучше получится, сфотографировать и послать по интернету папе. Только не с Вовкиного телефона и не от Аннушки. Потому что они против папы сильно настроены. А отец Серафим говорит, что обида — это пустота, и тот, кто копит обиду, на самом деле роет в душе яму.

Симоне трудно понять, как это: копить пустоту. Она обязательно разберётся в этом, но потом, а сейчас надо выяснить насчёт солёного теста. И ещё — адрес отца, на который можно будет отправить фотографию танка. Электронный адрес у папы есть. Вернее, был. Когда он работал на строительстве ЦИРКа, мама с ним через интернет связывалась. Потом Аннушка ему писала. Она ещё ходила в интернет-кафе в центре села. Симона тогда была совсем маленькая, но помнит, как они ждали, когда освободится место. Тогда дома мало у кого был свой собственный интернет. А теперь он у каждого в телефоне. У Аннушки где-то адрес папин есть, только лучше об этом не спрашивать. Расстроится и начнёт сердиться. Лучше самой это решить.

Вовка с Сереньким вот вчера по телефону весь вечер трындел, и всё про новый *поисковик*, и не какой-нибудь “Гугл” или “Яндексе”, а прямо волшебный: не просто отыскивает, а оказывает помощь в любых вопросах. Только и слышно было: “Дога-Допомога”. И Вовка потом на шёпот перешёл и бубнил что-то своему дружку Серенькому. Толком ничего не было слышно, только что-то про голых женщин. Она не подслушивала. Читала в соседней комнате, по программе. А потом взяла книжку, которую так любила, — “Волшебные сказки” — и пошла во двор, и во дворе просто листала, картинки смотрела, хотя на улице было холодно. Правильно бабушка Мила говорит: Вовка и друзья его в такую пору вступили, что гормоны в бошку бьют, и от того, как дурные, делаются. А дед Петро говорит, что ремня им надо, чтоб дурь из башки выколачивать, как пыль из мешка.

Только дурь эта и грубость — пустое. Друг перед дружкой красуются, кто взрослее, а сами сопляки. Вовка проболтался: Серенький ему признался, что, мол, Симона ему нравится, и он даже хотел ей “валентинку” подарить. Да только такого ухажёра ей не надо. Дураки!

Думать об этом было почему-то щекотно и весело, пока она пролистывала картинки. А вот и сказка “Двенадцать месяцев”, и корзинка с подснежниками в девочкиной ручонке. Эта корзинка, так упруго набитая красивыми цветами, всегда вызывала у Симоны восхищение. Щедро воочию явленное чудо: “Говорите, не бывает зимой подснежников? А вот вам, полная корзинка!” И тут вдруг озарило Симону: пролески! Вот что она бабушке Миле подарит. И Аннушке соберёт букет. Девчонки же вчера рассказывали, что в лесу уже появились пролески. Ксюша с подружками ходила в сторону Зозулян, у Днестра в лесу собирала. И чего она вчера с ними не пошла? Она надеялась, что Вовка телефон дома оставит, когда вечером пойдёт гулять. Он иногда забывает. Так он почти весь вечер дома просидел, а потом вышел ненадолго, а телефон с собой забрал.

Вовка всё-таки добрый, несмотря на то, что его друзья глупые так на него влияют. Вот назвал её Симоночкой. И телефон сам оставил.

Чуть не выронила его, когда торопилась обуть сапоги. Испуг окатил горячей волной, на лице выступила испарина и вспотели ладони. Не хватало ещё его разбить! Тогда лучше в петлю... Положила его на тумбочку, пока застегивала змейку куртки и надевала шапку. Она ещё успеет по дороге посмотреть про тесто. И — про папин адрес.

Дорогу до монастыря Симона преодолела, не заметив. Кто-то окликал её, здоровался, а она, посредством какого-то волшебства, целиком поместившись в узкое окошечко экранчика, отвечала оттуда машинально, как из потусторонней бездны. А ведь и удобная штука: по поводу солёного теста разложилось ей сразу, как на ладошке, и на душе сделалось так легко, что казалось, она запросто может перелететь через высоченную монастырскую стену, и Боженька нисколько не рассердится. Но вот отец Серафим бы сделал замечание. Симона вошла внутрь, как обычно, через главные ворота, перекрестившись. Народу было много. Служба уже началась. Проводили её ещё в зимнем храме, и у входа толпился народ. Значит, внутри храм полон. Вовки нигде не было. Значит, он уже там. Наверняка, встретился с бабушкой Милой и вместе зашли внутрь.

Отца Серафима во дворе не было. Захотелось его увидеть, спросить про папин адрес. Он бы подсказал, как лучше сделать, у кого спросить помощи.

Симона отошла в глубь аллеи и остановилась у безлистных клёнов. Необъяснимое волнение охватило её. Она выдохнула и набрала по буквам в поисковике: “Дога-допомога”.

Экран сверху вниз залило оранжево-красное мерцание, похожее то ли на угасание вечернего заката, то ли на едва зардевшуюся утреннюю зарю. Из багряных всполохов соткался образ женщины. Края смартфона очерчивали его в строгую рамку, словно фото на документ, увеличенное до размеров экрана.

Красная её красота была ослепительна, сверкая огненно-рыжими отсветами, разбрызганными по волосам, лицу, оголённым шее и плечам. Первые

секунды было даже больно смотреть глазам, вернее — не комфортно, как руке касаться оголённых проводов со слабым напряжением.

— Симоночка, милое дитя, чего тебе надобно?

Вопрос прозвучал так вкрадчиво, обволакивая и вовне, и внутри. Женщина назвала её по имени. Голос был так сообразен внешнему виду говорившей, что Симона растерялась.

— Папу... — пролепетала она и добавила, уже увереннее:

— Мне нужно найти папу...

Женщина молчала, неотрывно, пристально вглядываясь в девочку (фея? Голос и красота у неё были, как у феи. Но фея носит прекрасное платье. Королевы и принцессы носят платья, где плечи могут быть оголены. Как раз так, как очерчивала нижняя линия экрана, оставляя обзору лишь самые краешки плеч и всю целиком, стройную, словно башня, шею. От этой шеи, лица, выставленных на обзор, почему-то казалось, что там, за экраном, никакого платья на женщине нет и что она вообще без одежды).

— Хорошо, Симоночка, — вдруг произнесла она. Голос, нежный и ласковый, вливался в уши, облик её заполнял глаза. — Чем ты сейчас занята?

— Хочу собрать цветы... Для бабушки. И для Аннушки...

— Хорошо, Симоночка. Собирай цветы. Я соединю тебя. Мы найдём твоего папу.

Рдяные всполохи на экране погасли, но алая заря горела внутри, и щёки Симоны горели, когда она выходила из монастыря.

Служба будет идти ещё часа полтора, и за это время она успеет за пролесками. Бабушка Мила с Вовкой выйдут из храма, а она их встретит, с цветами, и Вовке вернёт телефон. И, может быть, уже будет знать адрес папы. Заря внутри занялась ещё ярче и горячее. Только за оградой монастыря Симона сообразила, что женщина назвала её по имени. А ведь девочка не представилась. Настоящая фея!

Она знает такую полянку, о которой не знают Ксюша с Викой, и никто не знает. Даже не полянка, а пятачок земли, полоска между лесным буреломом и скальным обрывом. Прямо на берегу реки. Но рыбаки там не ходят, потому что от воды высоко, а с берега на обрыв не забраться. Туда летом тяжело пройти, потому что заросли кустарника и бурелом. А сейчас можно, главное найти тропинку через бурелом. Там солнечная сторона, прогревается, и поэтому пролески всегда рано появляются. Если девочки уже в лесу собирали, то там цветы точно должны быть.

* * *

— Эй, красавица, куда ты? Погоди... Я тебя не съем!

— Да оставь ты её... Пионерка ещё.

— Ага, пионерка... Помнишь, как Жёрнов говорил: “Четырнадцать кэ-гэ весу есть? Можно есть”.

— Балабол Жёрнов пустопорожний... Нашёл, кого вспомнить... Жернаков по мохнатке срок мотал.

— А я чё... Я так, прогуляюсь до ветру.

— Да оставь ты малую в покое...

— Ага, оставь... Ты видел, чё у неё в руке было?

— А чё у неё в руке было?

— Потому что ты на воду пялишься, а добыча вон, по берегу косяком идёт. Смартфон у неё был. Гаджет, как надо нонче базарить.

— Гад же ты...

— Ну, ты за базаром следи...

— Говорю, оставь её, она уже вон убежала, где её искать.

— Хошь, выжидай у моря золотую рыбку. А я тут соскучился торчать, как в ступе пестик. И не клюёт ни хрена. Где тут обещанная рыба, в твоём Днестре?

— Так это же не сразу: вынь да положь...

— А я вот именно что захотел: вынуть и положить... Ха-ха! Ща быстро... С малолетки люблю в “казачки-разбойники” резаться. Козырная, скажу тебе, игра. “Кто ищет, тот всегда найдёт...” Эй, красавица!.. Погодь... Где ты? Я иду искать...

* * *

Царапина только сейчас стала больно саднить. Ветки сплелись так густо, что она насилу продралась через чашу. Будто нарочно не хотели пускать. Слово сговорились и были заодно с тем, который окликнул её и пошёл за ней следом. Хлестали по лицу, но она не замечала. Только сейчас стало болеть. Этот когда окликнул во второй раз, она обернулась и увидела, что он идёт следом, и вдруг побежала. Не надо было бежать. Это как с собаками: если показываешь, что боишься, они могут кинуться и укусить. Но шёл он как-то страшно, совсем не торопясь, всем своим видом словно показывая: никуда ты не убежишь. И вид у него такой... И мерзкий, и в то же время жалкий какой-то. Чем-то на Серенького похож, только страшный и намного старше.

Она в первые секунды никак не могла отдышаться, с силой втягивала воздух. И вид речного простора, распахивавшийся с обрыва, утолял эту жажду дыхания, с каждым разом делая его всё спокойнее. Река была пуста, на противоположном берегу рыбаков нигде не было видно.

Ну, и ладно. Никому здесь её не найти, в её заветном, укромном местечке. А вот и пролески. Много-много. Хватит и бабушке Миле, и Аннушке. И Нине Ильиничне завтра в школу отнесёт.

— Красавица? Ау!.. — раздалось вдруг совсем близко. Этот шёл по её следу. Даже были слышны его вкрадчивые шаги. Вот остановился. Прислушивается.

— Эй, красавица, отзовись...

Надтреснутый, сильный голос звал приглушённо, мерзко имитируя ласковую интонацию. Наверное, рассчитывал, что она спрячется где-то неподалёку. Стало жутко.

Ему и невдомёк, что тут её убежище. И тропинки никакой за зиму не осталось, потому и пришлось напролом. Потому она и исцарапалась.

— Дурочка... Всё равно найду. Не буди во мне зверя...

Этот удалялся. Сам дурак, ищи ветра в поле. Теперь надо посидеть немного. Пока этот совсем не уйдёт.

Звонок телефона словно током ударил. Дурацкая мелодия, которую Вовка поставил на телефон, новый хит Наф-Наф Доги “Реальная Анна”, которым заслушивались Вовка и Серенький с друзьями. Сгрудившись стриженными головами, развесив растопыренные уши, пилились в экран на полуголых девушек, танцующих в клипе. Танцевали они очень хорошо, но что-то было в их танце такое, что Симоне не нравилось.

И сейчас, когда она, остолбенев от звонка, замерла у самого края обрыва, пунцовая пляска застила ей глаза. Звонок, казалось, оглушил не только её, но всю реку, онемевшую настолько, что контуженная рыба начнёт сейчас всплывать кверху брюхом. А ведь она забыла про телефон! Что он может всего-навсего зазвонить! Эти мысли как-то криво скакнули в унисон с дикой пляской, ухающей в висках. Всё в том же остолбении она смотрела на зажатую в руке строгую рамку экрана, который оплывал багряными всполохами. Они вдруг стали закручиваться веретёнцами и густеть и вдруг обернулись взором. Не лицо, и даже не глаза как источник взгляда и зеркало души. Зрачки, уставившись двумя набрякшими вишнями, взирали в упор прямо в душу, пронизывая насквозь.

— Здравствуй, дитя моё. Тебе нужна помощь? Спрашивай.

— Почему... у тебя... такие красные глаза?

— Это — чтобы лучше тебя видеть...

(Продолжение следует)